

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

ПРИЮТ
ВЕЧНОГО СНА

Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов

АНТОН ГРАНОВСКИЙ
Приют вечного сна

«ЭКСМО»

2013

Грановский А.

Приют вечного сна / А. Грановский — «Эксмо», 2013 — (Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов)

Режиссер Ульяна Макарская получила заманчивое предложение – сделать фильм о северной полярной станции. Ее ждет увлекательное приключение и неплохой гонорар. И конечно, она снимет фильм, который непременно завоюет приз на престижном фестивале! Но это пока мечты, в реальности ее встречают мороз, метель и семеро полярников, которые ждут не дождутся возвращения на Большую землю... Неожиданно станция поймала сигнал SOS от расположенной рядом американской обсерватории. Полярники обнаружили – все их соседи мертвы, и совершенно непонятно, что же с ними произошло... Новые коллеги Ульяны захватили из обсерватории дневник капитана Неверова, исследовавшего Север в начале прошлого века. Девушка взялась изучать его, а на станции между тем происходили странности – у сотрудников начались галлюцинации. Ульяна старалась держаться, но вскоре и к ней явился давно умерший отец... Что же за силу они потревожили и как спасти от нее их маленький замкнутый мирок?

© Грановский А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
1	8
2	11
3	16
4	18
Глава 2	21
1	21
2	23
3	25
4	28
5	32
Глава 3	34
1	34
2	37
3	39
4	44
5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Евгения и Антон Грановские

Приют вечного сна

*Должен ли я смотреть на зажатую в кольцо голову смерти,
которая имеет мое лицо?*
Джон Донн

Пролог

Двое механиков, одетых в теплые куртки и шерстяные шапочки, сидели в термопалатке, настраивая оборудование для бурения. За стенками мела метель, угрожая сорвать палатку, но опоры ее были прочными, и волноваться механикам было не о чем.

Тот, что помоложе, посмотрел на коллегу тревожно и сказал взволнованно:

– Филипп, у тебя хлещет кровь!

– Где? – не прекращая работы, небрежно осведомился механик постарше.

– Из носа! Ты что, не чувствуешь?

Пожилой стянул с руки перчатку и потрогал верхнюю губу. Затем посмотрел на руку и растер между пальцами алую кровь.

– Дьявол! – хрипло выругался он. – Лицо онемело. Наверное, от холода.

– Как на таком холоде может идти кровь? – недоумевал молодой.

– Спроси чего полегче, Марк.

Филипп Марстон выбрал из горы испачканных машинным маслом тряпок самую чистую и тщательно вытер нос и верхнюю губу.

Молодой полярник смотрел на него хмуро.

– Фил, ты в порядке? – осторожно спросил он.

– Да.

Пожилой полярник смял окровавленную тряпку и швырнул ее в угол термопалатки.

– Не отвлекайся, – сухо сказал он Марку. – И затяни потуже болт.

Молодой кивнул и снова склонился над оборудованием. Марстон опять потрогал губу и снова посмотрел на пальцы. Кровь все сочилась. «Что еще за новости?» – неприязненно подумал он и шмыгнул носом. Нижней части своего лица Марстон не чувствовал совсем, словно ему вкололи дозу новокаина.

– Дьявол... – прошептал он одними губами, разглядывая окровавленные пальцы. – Когда вернемся в обсерваторию, надо будет показаться доктору.

– Ты что-то сказал, Фил? – поднял голову Марк.

– Нет. Тебе послышалось. Ну, как там?

– Все готово. Думаю, теперь проблем не будет.

Марк убрал ключ в чемоданчик с инструментами.

– Слушай, – снова заговорил он, – а что босс будет делать со вчерашней находкой?

– Что делать? – Марстон поскреб ногтями небритую щеку и хмыкнул. – А что он делает со всеми находками? Запаяет в пластик, распихает по контейнерам и отправит в секретную лабораторию. Ну, или еще куда-нибудь. Наше с тобой дело маленькое – следить за тем, чтобы оборудование работало нормально. А в остальное нос лучше не совать.

– Почему?

– Потому что прищемят.

Марк улыбнулся:

– Тебе, я вижу, уже прищемили.

Марстон уставился на молодого коллегу холодным взглядом и скривил лицо:

– Очень смешно!

– Прости. Так, к слову пришлось.

Марк посмотрел на окровавленный нос коллеги и не удержался – хихикнул. Лицо Филиппа Марстона посуровело. Он хотел сказать юнцу пару ласковых, но вдруг насторожился – за стенками термопалатки ему послышался отдаленный рев.

– Ты слышал?

– Что?

– Кажется, к нам идет гость.

– Какой еще гость?

И снова в отдалении заревел зверь.

– Ты что, не слышишь?

– Нет.

Марстон усмехнулся:

– И как ты только медкомиссию прошел?

До его слуха вновь донесся яростный рев. На сей раз зверь ревел совсем близко, он явно был чем-то рассержен. По спине пожилого полярника пробежал холодок. Однажды он слышал, как ревет раненый белый медведь, и этот рев был очень похож на тот, который уже приходилось слышать Марстону. Если медведь пришел в ярость от боли и жаждет мести, то его ничто не остановит. Кроме пули.

Марстон поднял с пола чехол и достал из него дробовик.

– Ты чего? – удивился Марк.

Марстон не ответил, прислушиваясь к звукам метели.

– Что ты собрался делать, Фил? – снова спросил Марк.

Марстон передернул затвор дробовика и глянул на коллегу холодно.

– Хочу спасти твою задницу. А заодно и свою. Бери инструменты и пошли. Я – впереди, а ты иди за мной и не высовывайся. Если скажу «беги» – пулей несись к снегоходу. Понял?

– Да. – Лицо Марка стало строгим и сосредоточенным, как у Филиппа. Тревога, прозвучавшая в словах старшего коллеги, передалась и ему.

– Все. Пошли.

И Марстон первым вышел из палатки, держа дробовик наготове. На улице мело, но несильно. По прогнозам метеорологов, настоящая метель начнется только через полторы недели, а то, что сейчас клубится в воздухе, – пустяк, легкая поземка.

Снежная пустыня была чиста. Ни людей, ни зверей – ни единого намека на чье-либо присутствие. Только термопалатка, сооруженная над буром, и снегоход, стоявший в двадцати футах от нее.

Механики успели пройти несколько шагов, как вдруг Марстон услышал за спиной скрип снега, быстро обернулся и – побелел от ужаса. Из-за термопалатки вышел огромный белый медведь. Зверь был худ, словно не ел по меньшей мере пару недель, а на боку у него темнело огромное светло-бурое пятно крови.

На мгновение медведь остановился, уставившись на Марстона глазами, в которых полыхал голодный свирепый огонь, затем взревел и ринулся вперед.

– Быстрее к вездеходу! – закричал Марстон, вскинул дробовик и нажал на спусковой крючок.

Выстрел прогремел как гром.

Марк, вскрикнув, побежал к снегоходу. Марстон понесся за ним. Он видел, что пуля не задела зверя, а лишь ошеломила на пару мгновений. Теперь, пока медведь не пришел в себя, нужно успеть добежать до машины.

За спиной у Марстона раздался страшный гневный рев.

– Быстрее! – отчаянно завопил Марстон.

Марк уже добежал до снегохода, вскочил на подножку, быстро открыл дверь и скользнул внутрь.

Марстон остановился и на бегу дал еще один залп из дробовика. Затем запрыгнул на подножку, ввалился в снегоход и крикнул:

– Держи!

Он всучил обомлевшему от изумления Марку дробовик, а сам захлопнул дверцу и завел мотор, внутренне сжавшись от ожидания нападения. Однако зверь не напал. Думать о том, что произошло, у Марстона не было времени. Снегоход мягко тронулся с места и понесся по снежной пустыне, набирая скорость.

Марстон машинально обернулся, и на лбу у него выступили крупные капли пота – он увидел медведя. Зверь не отставал и даже, наоборот, стремительно нагонял снегоход. Марстон взглянул на спидометр – сорок миль в час! Однако расстояние между медведем и снегоходом сокращалось.

«Этого не может быть! – в отчаянии подумал Марстон. – Белые медведи не бегают с такой скоростью!»

– Фил, ты...

– Он догоняет! – рявкнул на молодого коллегу Марстон. – Держись крепче!

Вцепившись в руль снегохода, Марстон вдавил педаль скорости до предела. Лицо его онемело, и он не чувствовал, что из носа снова потекла кровь. В мозгу билась одна мысль – белый медведь с кровавым пятном на боку гонится за снегоходом и не отстает ни на шаг, и если ослепленный яростью зверь нагонит снегоход, прыгнет на колпак – им конец. Даже если медведь не пробьет колпак лапой, он перевернет снегоход, а потом выцарапает их из кабины и сожрет.

– Фил! – закричал Марк, с ужасом глядя на спидометр. – Фил, какого дьявола ты так гонишь?

– Не возмешь... – процедил Марстон сквозь сжатые зубы.

Впереди показалась стена полярной обсерватории. Еще немного...

– Фил! – с ужасом крикнул Марк. – Ты нас убьешь!

Стена стремительно приближалась, но Марстон словно бы не замечал этого. Тридцать футов. Двадцать. Марстон оглянулся и увидел, как громадное тело зверя взвилось в воздух в мощном прыжке. Дыхание сперло у Филиппа в горле. Зверь, которого он увидел, не был медведем. И даже больше – это был не зверь! Страшное чудовище из детских кошмарных снов Марстона вскочило на снегоход четырьмя огромными лапами, с оскаленных зубов твари на плексигласовый колпак закапала слюна.

– Фил, нет! – закричал Марк и машинально заслонил лицо руками.

Он успел увидеть черную стену обсерватории, стремительно наплывающую на лобовое стекло снегохода, а в следующую секунду свет померк в его глазах.

Глава 1

Приглашение

1

- Вот объясни мне, Валик, какой смысл в этой премии, если я ничего с нее не имею?
- Что значит не имеешь? Ты – гордость российского кинематографа. Знаешь, сколько людей тебе завидует?
- Ульяна поморщилась:
- Глупости, завидовать тут нечему. Подумаешь – получила приз за короткометражку. Постояла минуту на сцене, дала три интервью, а на второй день обо мне все забыли.
- Не все. Кое-кто не забыл.
- Кто, например?
- Я, – ответил Валик и поцеловал Ульяну в голое плечо. – Я не забыл. И работу я тебе подкинул что надо.
- Фильм про коровники? – Ульяна наморщила нос. – Это все, что я заслужила?
- Зато неплохо платят. К тому же ты – гений, а для гения нет запретных тем.
- Валька, я устала от халтуры. Хочу настоящей работы. – Ульяна возвела очи к потолку, раскинула в просящем жесте руки и проговорила: – Господи, и почему мне не предложат полететь в космос и снять фильм про космонавтов? Я бы такое сняла...
- Валик засмеялся и погладил ее ладонью по худой спине.
- Не сомневаюсь, – весело сказал он. – С таким небесным телом, как у тебя, только про космос и снимать.
- Дурак! – буркнула Ульяна и хлопнула Валика по лысому темени.
- Валик поймал ее руку и поцеловал. А затем выпустил пальцы девушка из ладони и стал выбираться из-под одеяла.
- Уже уходишь? – спросила Ульяна, глядя, как он натягивает трусы на тугие ягодицы.
- Угу, – не оглядываясь, отозвался Валик и потянулся за футболкой.
- Торопишься к жене?
- Тороплюсь. Сегодня мы всем семейством решили выбраться в театр.
- На что идете?
- Валик снял со спинки стула джинсы и запрыгал на одной ноге, всовывая другую в штанину.
- На «Белую гвардию».
- Хорошая постановка?
- Не знаю. На афише заявлены Хабенский с Пореченковым. Если, конечно, состав не заменят.
- Ясно. – Ульяна презрительно дернула губой. – Очередная попса.
- Народу нравится, – небрежно проговорил Валик. – Ну все, малышка, я побежал!
- Он наклонился и хотел поцеловать Ульяну в губы, но та увернулась. Внезапно «лысый женатик» Валик стал ей противен, и девушка едва не ударила его.
- Ты чего? – удивился Валик.
- Ничего. Катись уже!
- Ладно. – Он выпрямился. – Слушай, Уль, а про коровники все же подумай. Не возмешься за этот проект, отдам кому-нибудь другому. Не позволяй деньгам проплыть мимо тебя.
- Толай к жене, добрыхот.

Дождавшись, пока в прихожей хлопнет дверь, Ульяна схватила подушку, на которой лежал Валик, и яростно швырнула его в стену, зло воскликнув:

– Катись-катись! И чтоб на тебя упал театральный софит, болван!

Оставшись одна, Ульяна некоторое время валялась в постели, хмуро глядя в потолок и о чем-то задумавшись. Затем вздохнула, выбралась из постели и прошлепала босыми ногами к зеркалу.

Некоторое время стояла перед зеркалом, осматривая себя и размышляя. Она красивая, молодая, талантливая. И сильная. Да, сильная. Ну почему ей так не везет, а? Почему на пути попадаются одни кретины, слизняки да женатики?

Ульяна наморщила нос и отвернулась от зеркала. На несколько секунд замерла посреди комнаты – голая, задумчивая, растерянная. В душе все еще klokотала злость. Двадцать девять лет, а жизнь уже летит псу под хвост. А ведь как хорошо начинала!

На курсе Ульяну Макарскую считали лучшей. Сам мастер неоднократно говорил про нее:

– Видите эту девочку? В ней всего метр шестьдесят пять, но через несколько лет она станет гигантом российской кинодокументалистики.

И вот прошли годы. Премию Ульяна получила, но гигантом так и не стала. Что осталось? Метр шестьдесят пять! Вместо грандиозных проектов, о которых она когда-то мечтала, ей предлагают снимать фильм про коровники. Хоть профессию меняй!

– Брошу все и уйду снимать свадьбы и похороны, – с угрозой проговорила Ульяна. – Там хоть деньги платят.

На тумбочке зазвонил мобильник. Ульяна протянула руку, взяла трубку и, плюхнувшись в кресло, прижала ее к уху:

– На проводе!

– Добрый день, – поприветствовал ее мужской бас. – Я говорю с Ульяной Макарской?

– Да. – Голос показался Ульяне знакомым, и она нахмурилась, стараясь его припомнить. –

А кто это?

– Меня зовут Игорь Константинович Прозоров.

– Прозоров? – Лицо Ульяны просветлело, и она даже привстала с кресла. – Гошка?

– Он самый!

Ульяна вскочила на ноги.

– Черт! Гошка! Сто лет тебя не видела! Ты сейчас...

– Я сейчас в Москве, – договорил за нее басовитый собеседник. – И горю желанием тебя увидеть. Найдешь для меня время?

– Время – это единственное, чего у меня завались. Где мы встретимся?

– Где скажешь. Но лучше в центре. Я всего на день в Москве и не хочу тратить время на пробки.

– Понимаю, – кивнула Ульяна, припомнив, что ее бывший школьный дружок Гошка Прозоров теперь вроде бы заделался каким-то крутым начальником. – Знаешь ресторан «Сакура-кай» на Спиридоновке?

– Да.

– Давай там.

– Когда?

– Через час.

– Идет. Только не опаздывай. У меня к тебе серьезное предложение.

И он положил трубку.

Ульяна улыбнулась и швырнула мобильник назад на тумбочку. Вот так звонок! Гошка Прозоров собственной персоной! Ульяна не видела своего школьного бойфренда лет восемь. Значит, сейчас ему уже... Наморщила лоб, но подсчитывать не стала, лишь махнула рукой

– за тридцать, это точно. Должно быть, он страшно изменился. И заматерел. Где же Гошка работает?

Ульяна задумчиво сдвинула брови. Кажется, где-то в нефтянке... Нет-нет, он был помощником губернатора какой-то нефтяной губернии. Или что-то вроде этого... А может, и нет. Ладно, неважно. Важно другое – во что одеться? Восемь лет назад Гошка был красавцем, а сейчас, должно быть, к красоте добавились солидность и импозантность.

Пожалуй, следует одеться в деловой костюм, но светлых тонов. А под пиджак – шелковую блузку. Этакий сдержанный эротизм не помешает. Ульяна кивнула сама себе и зашлепала босыми ногами к шкафу.

2

Она узнала Прозорова сразу. Гошка сидел за угловым столиком и читал газету. Такой же красивый, как восемь лет назад, только чуть не в два раза шире, с поредевшими волосами, в великолепном костюме и с печатью барской солидности на породистом лице.

«Солидный партнер солидных господ», – усмехнулась Ульяна.

Однако, увидев Ульяну, «солидный партнер» радостно расплылся в улыбке и преобразился, снова став тем Гошкой Прозоровым, с которым они когда-то воровали яблоки в колхозном саду.

– Ульяна, ты?

– Она самая! А что, я так сильно изменилась?

Гошка вскочил со стула, и они обнялись. От Прозорова пахло дорогой туалетной водой и дорогой материей. Никакого запаха табака. Краем глаза Ульяна увидела, что двое крепких парней в темных костюмах, сидевшие за соседним столиком, слегка напряглись и переглянулись.

«Охрана, – поняла она. – У Гошки есть свои телохранители! Видать, он и правда высоко взлетел».

– Черт, Гошка, как же я рада тебя видеть!

– Я тебя тоже. – Слегка отстранившись, Прозоров внимательно осмотрел ее, снова улыбнулся и сказал: – Ты такая же, как была.

– Глупости, я стала в десять раз лучше! – смешливо воскликнула Ульяна. – А ты, я вижу, бросил курить? Раньше от тебя несло табаком за версту.

– Бросил. Еще пять лет назад.

– С чего вдруг?

– Здоровый образ жизни. Должность обязывает. Присаживайся!

Он отодвинул для Ульяны кресло, и она уселась. Вытянула из пачки «Мальборо-лайт» белую сигарету и потребовала:

– Давай рассказывай. Где ты сейчас? Кто ты?

– Может, сперва что-нибудь закажем?

Ульяна чиркнула зажигалкой и покачала головой:

– Я не хочу есть. Закажи мне бокал вина.

Прозоров подозвал официантку и заказал вино, а Ульяна закурила. В отличие от Гошки она никак не могла избавиться от пагубной привычки, превращающей ее легкие в решето, хотя и не раз пробовала. Даже участвовавшие бронхиты не заставляли решить дело в пользу здорового образа жизни.

Отпустив официантку, Прозоров взглянул на Ульяну.

– Я много о тебе слышал.

– Да? – Брови Ульяны слегка приподнялись. – И что же именно?

– Ты теперь маститый режиссер-документалист. «Приз экуменического жюри за лучший короткометражный фильм». Об этом много писали.

Ульяна поморщилась:

– Не сыпь мне соль на рану.

– Не понимаю... – удивился Прозоров.

Ульяна хотела рассказать о тяготах и превратностях творческой судьбы, о гадах-заказчиках, о продюсерских центрах, где работают одни идиоты, о коровниках, но вдруг подумала, что Гошке, процветающему и респектабельному, будет неинтересно обо всем этом слушать. Она выпустила изо рта облачко бледно-голубого дыма, махнула рукой и небрежно проговорила:

– Ладно, не бери в голову. Лучше расскажи о себе. Я слышала, ты выбился в большие начальники. Работаешь чуть ли не в аппарате президента.

– Не совсем так. Но суть ты уловила верно – я о-о-очень большой начальник!

Прозоров широко улыбнулся, а Ульяна махнула сигаретой в сторону двух парней за соседним столиком и уточнила:

– Твои доберманы?

– Мои, – кивнул Гошка.

– Красавцы! Где бы и мне таких раздобыть?

– Не думаю, что тебе это нужно.

Официантка поставила перед ними по бокалу и аккуратно наполнила их вином из темной пузатой бутылки. Ульяна взяла свой бокал, подождала, пока Прозоров тоже возьмет, затем провозгласила:

– За то, чтобы годы меняли нас только к лучшему!

– Поддерживаю!

Они засмеялись, чокнулись и отпили по глотку.

Дальнейшие минут десять они вкратце пересказывали друг другу свою жизнь. Прозоров был открыт и улыбчив – было видно, что он действительно рад встрече. Глядя на него, Ульяна спрашивала себя: чувствует ли она еще что-нибудь к этому парню? И не находила ответа. Перед нею, без сомнения, был все тот же Гошка Прозоров. Однако что-то изменилось. Что-то в оттенке глаз, в уголках губ. Нечто неуловимо мелкое, но которое в любой момент могло вдруг разрастись и, заслонив собой все остальное, превратить Гошку в человека, незнакомого Ульяне. В «солидного господина», в большого начальника, в хладнокровного и жесткого «босса».

Ульяна закурила новую сигарету. Посмотрела на Гошку сквозь облако дыма и вдруг спросила:

– Ты женат?

Он кивнул:

– Да.

– Есть дети?

– Двое. А как ты?

Ульяна усмехнулась:

– Так же, как восемь лет назад. Ни мужа, ни детей.

Прозоров улыбнулся и хотел что-то сказать (что-то сочувственное или утешительное, как поняла Ульяна), но тут в кармане у него зазвонил сотовый.

– Уль, прости. – Он вынул телефон, нажал на кнопку и прижал трубку к уху: – Прозоров слушает... Так... Так... – Гошка нахмурился и глянул на часы. – Хорошо... Да, я подъеду.

Он сунул мобильник обратно в карман, посмотрел на Ульяну и красноречиво вздохнул. Ульяна хмыкнула:

– Судя по твоему виноватому лицу, тебе пора смываться по делам?

– Да. Работа, будь она неладна...

– Ну, тебе хоть деньги за нее платят. А вот я – вольная птица.

– Это плохо?

– Как посмотреть. Летать – приятно. Подбирать с асфальта крошки – не очень.

– Значит, у тебя сейчас немного работы?

– Тоже как посмотреть, – уклончиво ответила Ульяна. – А что?

– Видишь ли... – Прозоров снова взглянул на часы («Патек Филипп», – отметила про себя Ульяна. – Тысяч двадцать евриков, не меньше»). – Как раз о работе я и хотел с тобой поговорить. Ты отличный режиссер. Говорю так не потому, что я – твой друг. Видел твой фильм и интересовался на твой счет у знающих людей.

– Вот как? – Ульяна слегка прищурилась. – И что же сказали тебе «знающие люди»?

– Что ты – лучшая.

Ульяна слегка покраснела. Как любая творческая личность, она была падка на лесть, но в устах преуспевающего импозантного Прозорова лестные слова звучали как-то странно.

– За недостатком времени буду краток. – Гошка достал из кармана пиджака какой-то листок и положил его перед Ульяной. – Взгляни-ка...

Ульяна взглянула. Наморщила лоб и отрицательно качнула головой:

– Ничего не понимаю. Это что – разрешение на съемку?

– Да. А вот... – положил он на столик еще один листок, – договор на производство фильма. Здесь стоит твоя фамилия. Прочти и, если согласна, подпиши.

Ульяна уткнулась носом в договор, держа листок в длинных, подрагивающих от волнения пальцах. Перед глазами у нее мелькали строчки: «в связи с особой важностью проекта...», «полная творческая свобода...», «сумма гонорара...», «оплата сразу после подписания договора... вся сумма лично в руки или на банковский счет лицензиара...»

Наконец Ульяна отложила договор, взяла бокал и сделала несколько больших глотков. Потом поставила почти опустевший бокал на стол и взглянула на Прозорова недоверчиво.

– Это все серьезно?

– Абсолютно, – кивнул он.

– Что же такого важного в документальном фильме про полярную станцию?

– Понимаешь... – Прозоров понизил голос. – Кому-то там, наверху, взбрело в голову снять ролик о нашей новой полярной станции «Заря-1». Через месяц к нам приезжают высокие иностранные гости, и фильм должен сломать стереотипы.

– Какие стереотипы?

Гошка усмехнулся:

– Макарская, ты что, голливудских фильмов не смотришь? Вспомни, как там изображают наши станции и наших полярников – пьяные мужики в драных тулупах измеряют температуру воды медицинским термометром. И это еще в лучшем случае.

– Гм... – Ульяна прищурилась. – А я, значит, должна разрушить данный стереотип. И зачем?

– Что – зачем? – не понял Прозоров.

– Зачем его разрушать?

Гошка усмехнулся.

– Видишь ли... Дело в том, что те самые высокие гости собираются инвестировать деньги в новый исследовательский проект. Со всеми вытекающими последствиями. Но прежде чем они станут вникать во всякие технические нюансы и сложности, мы хотим преподнести им красивую картинку. Что-то вроде рекламного буклета. Понимаешь?

– Или что-то вроде рекламного ролика, – с сухой усмешкой проговорила Ульяна.

– Верно.

Ульяна снова взяла в руки договор и взглянула на строчку, куда была вписана сумма гонорара. «Однако... Таких деньжищ и за десять коровников не заработаешь», – подумала она. Облизнула пересохшие губы, взглянула на Прозорова и спросила:

– Когда должен быть готов фильм?

– Через неделю.

– Слишком мало времени.

– Я понимаю. Но время не ждет!

Ульяна задумалась. Было очевидно, что за неделю хороший фильм не сделаешь. Правда, если у нее останется отснятый материал... Что ж, с ним можно будет поработать...

Ульяна вновь взглянула на Прозорова.

– Какая концепция удовлетворит заказчика?

– На твое усмотрение, – ответил большой начальник Гошка. – Ты ведь художник, тебе и карты в руки. Но лучше, если ролик будет представлять собой нечто вроде репортажа. Поменьше глянца и побольше настоящей жизни.

– Настоящей?

– Да. Но в определенных рамках, конечно.

– Что ты имеешь в виду?

Прозоров улыбнулся:

– Установка простая: никакого негатива и максимум позитива. Как в любой рекламе.

Ульяна хмыкнула:

– Ты противоречишь сам себе.

– Я знаю, – согласился Прозоров. – Но ты умная и талантливая, а значит, сможешь сделать так, как надо.

Ульяна побарабанила пальцами по столу. Что-то во всей этой истории ей не нравилось. Деньги, конечно, хорошие, но и ответственность... Вдруг она сделает совсем не то, чего от нее ждут? Люди уровня Прозорова легко могут перекрыть ей кис-лород. Нет, не сам Гошка, конечно, а те, кто над ним, и те, кто рядом с ним. Да и с творческой стороны как-то все это... неприятно и нечисто.

Ульяна облизнула губы кончиком языка и неуверенно проговорила:

– Видишь ли, Гошка... Вообще-то у меня наклеивался другой проект.

– Вот как? – вскинул брови собеседник. – Но ведь ты только что сказала, что свободна.

– Да, но... – Поняв, что зарапортовалась, Ульяна нахмурилась. – Ладно, давай начистоту.

Если честно, я бы могла снять этот фильм.

– Но тебя что-то останавливает?

– Есть один вопрос.

– Только один?

– Нет, но он – самый важный. Могу я потом на основе отснятого материала смонтировать новый фильм – настоящий, с полным метражом и со своей авторской концепцией?

Прозоров качнул головой:

– Прости, но нет.

Ульяна вздохнула:

– Так я и думала. Значит, опять халтура.

– Прости, – растерянно проговорил Прозоров, внимательно вглядываясь в ее лицо. – Я привык общаться с дельцами и пиарщиками и совсем уже забыл, как нужно разговаривать с художниками. Я думал, это хорошая работа. Но если ты не согласна...

– Я согласна, – возразила Ульяна. – Не то чтобы твое предложение было жутко интересно с творческой стороны, но мне нужны деньги.

Прозоров вздохнул с облегчением.

– Вот и отлично. Я сразу сказал – лучшей кандидатуры, чем ты, не найти. Если бы ты не согласилась, мне бы пришлось остаться в Москве еще на день или два. А это...

У Прозорова снова зазвонил телефон.

– Прости. – Он приложил сотовый к уху. – Да... Да, конечно. Уже выезжаю... Нет, без меня не начинайте. – Сложив трубку и убрав ее в карман, Прозоров посмотрел на Ульяну с грустью: – Мне нужно ехать. Извини, что все так спонтанно и бегом.

Ульяна вытянула из пачки новую сигарету и усмехнулась:

– С вами, дельцами, всегда так. Только встретишься и сразу нужно прощаться.

Прозоров мягко засмеялся, достал из кармана пиджака серебристый прямоугольник и положил на стол.

– Вот тебе визитная карточка координатора проекта. Свяжись с ним – и он все тебе расскажет. Да, и закажи себе еще чего-нибудь. Счет уже оплачен.

– Оплачен? Еще до того, как я заказала?

Прозоров улыбнулся.

– Одна из привилегий моей должности. – Он поднялся из-за стола, нагнулся и поцеловал Ульяну в щеку. – Будь здорова и не скучай! Когда вернешься в Москву, я тебя разыщу, и мы пообедает по-настоящему, без моих дурацких понтов и идиотской спешки. Пока!

– Пока, – рассеянно кивнула Ульяна.

Прозоров повернулся и стремительно зашагал к выходу, однако двое охранников оказались еще стремительнее. К тому моменту когда босс достиг двери, один из них уже вышел на улицу и, бросая по сторонам быстрые взгляды, придержал для Прозорова створку и проводил его до черного представительского «Мерседеса».

«Странно все это», – подумала Ульяна, когда «Мерседес» уехал. По идее, она должна бы радоваться, а на душе почему-то тяжело. Даже какое-то неприятное предчувствие гложет. С чего бы, интересно?

Ульяна вздохнула: ладно, не стоит о плохом думать. Повернулась и подозвала официантку.

– Я могу взять все, что хочу, и это входит в оплаченный счет, правда? – уточнила она.

Официантка улыбнулась и кивнула:

– Правда.

– Гм... А у вас есть французское шампанское?

– Нет.

Ульяна досадливо поморщилась:

– Черт, надо было назначать встречу во французском ресторане... Тогда дайте мне самый дорогой суши-набор и бутылку сливового вина. Да, и не забудьте десерт.

– Что именно?

– На ваш вкус, цена меня не интересует.

3

На пороге стоял крупногабаритный парень в джинсах, кедах и в мягком коричневом свитере.

– Здравствуйте! – поприветствовал он Ульяну и неловко улыбнулся. – Вот я и пришел.

Ульяна оглядела грузную фигуру парня, остановила взгляд на его широком простоватом лице и усмехнулась:

– Привет, Медвед! Ты кто?

– Меня зовут Иван Рогов, – представился верзила. – А вы Ульяна?

– Скорее да, чем нет. Проходи, Медвед!

Ульяна посторонилась, и великан, неуклюже переставляя ноги, вошел в прихожую. Ульяна снова оглядела его с ног до головы.

– Значит, ты и есть мой оператор?

– Да.

– Отлично. И откуда ты взялся?

Лицо парня слегка вытянулось от удивления.

– В каком смысле?

– Что ты окончил?

– Окончил ВГИК. Два года назад.

– Всего два? – Ульяна скептически хмыкнула. – Видимо, у тебя очень влиятельные друзья.

– Я был лучшим на курсе, – с некоторой обидой в голосе произнес верзила. – Потом работал на дециметровом канале. А оттуда почти случайно попал в президентский пул. Там проработал полгода.

– Да ты, я вижу, муравей авторитетный. Ладно, Медвед, не парься. Проходи в комнату, будем знакомиться ближе и обговаривать нюансы нашего путешествия.

В комнате Ульяна достала из кармана листок, выданный ей координатором проекта, скользнула по нему взглядом и снова сунула в карман.

– Помнется, – заметил Рогов, кивнув на листок.

Ульяна махнула рукой:

– Не страшно. Там ничего важного. Итак, Медвед, завтра мы с тобой вылетаем на Север. Ты когда-нибудь был за полярным кругом?

Иван покачал головой:

– Не-а. А вы?

– Во-первых, не «вы», а «ты», – назидательно поправила Ульяна. – Во-вторых, я тоже нет. Дальше Архангельска никогда не забиралась, да и там была всего раз.

– А я даже туда не добирался, – вздохнул Иван. – Зато был в Новосибирске.

– И как там?

– Чего – как?

– Кормят неплохо?

Лицо верзилы озадаченно вытянулось. Ульяна засмеялась:

– Ладно, извини за дурацкую шутку. Просто ты такой... упитанный. Когда будем идти рядом, не наступи мне на ногу. И поменьше ворочай плечами, а то столкнешь меня в какой-нибудь сугроб.

Иван молчал, обиженно насупившись.

– Прости, что-то я опять зарапортовалась, – примирительно заговорила Ульяна. – Будем считать, что знакомство состоялось. Теперь о работе. Ты когда-нибудь видел фильмы Ларса фон Триера?

– Конечно.

– Так вот, мы с тобой его переплюнем. Но работаю я жестко и все решения принимаю сама. Если захочешь мне что-нибудь посоветовать, делай это вежливо и подобострастно, без всяких повышенных тонов, а то я могу вспылить. Усек?

Великан кивнул и сказал:

– Кажется, да.

Ульяна посмотрела на его хмурую физиономию и не удержалась от улыбки.

– Ты мне нравишься, Медвед. Буду тебя так звать. Надеюсь, возражений нет? Вот и хорошо. Думаю, мы сработаемся.

4

Уже два часа, прильнув к холодному стеклу иллюминатора, Ульяна Макарская летела на Север. Ее слегка знобило, но не от холода, а от волнения. Смотреть вниз было жутковато, поскольку там ни черта не было видно, кроме воды. Лишь один раз промелькнула какая-то суша, а когда Ульяна поинтересовалась, что это, один из пассажиров самолета лениво проговорил:

- Новая Земля.
- Мы за полярным кругом?
- Да.

Известие заставило Ульяну передернуть плечами. Однако, помимо волнения, она чувствовала и что-то такое, что вполне можно было назвать тихим восторгом.

Когда-то ей и двум ее сокурсницам предложили отправиться в командировку на Сахалин. Сокурсницы отказались, и их не стоило за это винить. Время было тяжелое – конец девяностых, Сахалин представлялся москвичам враждебной, таинственной планетой, чем-то вроде Марса. Ульяна тоже думала отказаться, но отец, мужчина жесткий и насмешливый, отхлебнул из своей неизменной бутылки пива, глянул на дочь в холодноватый прищур и сказал:

- Дура. Неужели не хочешь приключений?
- Я бы лучше полетела в Париж или Рим, – в тон ему сказала Ульяна.
- В Париже ты и так когда-нибудь побываешь. А вот на Сахалине, скорее всего, никогда.

Используй свой шанс, девочка. Пока молода, забирайся в самые экзотические места. Если не успеешь до тридцати пяти – не успеешь уже никогда.

Несколько последующих лет Ульяна следовала совету отца и увидела многие удивительные уголки. Например, кроме Сахалина, Камчатку, Северную провинцию Китая.

А насчет Парижа и Рима отец оказался прав. В каждом из великих городов Ульяна бывала так часто, что они ей успели надоесть.

И вот она за полярным кругом. До Северного полюса – подать рукой. Кто из смертных добирался сюда? Сущие единицы. И теперь Ульяна Макарская в их числе.

Глядя в иллюминатор, Ульяна припомнила скупые строчки информационной записки, которую подготовил для нее координатор, и пыталась соотнести их с белым океаном, который видела внизу.

«Устойчивый снежный покров образуется в середине сентября. Сходит снег лишь в конце июня. Лето короткое и холодное...» В это, пожалуй, можно поверить.

«В растительном покрове господствуют мхи и лишайники. Встречаются также полярный мак, камнеломки, крупки, полярная ива. Из млекопитающих встречаются белый медведь и реже песец. В водах, омывающих острова, водятся нерпа, морской заяц, гренландский тюлень, морж, нарвал и белуха. Наиболее многочисленны птицы: люрики, чистики, кайра, моевка, белая чайка, бургомистр и др., образующие летом так называемые птичьи базары».

«Люрики и чистики? – с усмешкой подумала Ульяна. – Как они, интересно, выглядят, эти люрики?»

– Девушка! – окликнул ее сипловатый мужской голос. – Простите, не знаю, как вас зовут... Хотите коньяку?

Ульяна отлипла от иллюминатора и обернулась.

В кресле сидел невысокий, темноволосый, хорошо сложенный парень в белом свитере.

– Мы, кажется, не успели познакомиться, – сказал он приветливо.

– Мы и не пытались, – усмехнулась Ульяна.

Брюнет улыбнулся:

– Меня зовут Дмитрий. А молчаливый парень, который сидит рядом со мной, – Витя Хворостов. Он один из лучших альпинистов России.

– Я очень рада, – кивнула Ульяна и хотела снова отвернуться к окну.

– А как зовут вас? – остановил ее вопрос брюнета. – У вас ведь есть имя?

Ульяна вновь посмотрела на парня. Довольно симпатичный. На вид лет тридцать семь. Лицо загорелое, ухоженное.

– Меня зовут Ульяна.

Дмитрий кивнул на Ивана:

– А вашего друга?

– Он не друг, а мой верный паж. И зовут его Медвед.

– Приятно познакомиться. – Дмитрий пожал протянутую Иваном руку и снова взглянул на Ульяну. – Вы летите снимать фильм про станцию «Заря», верно?

– Именно так. – Ульяна прищурилась. – А вы работаете на Севере?

– Скорее развлекаюсь. – Дмитрий улыбнулся. – Нет, правда. Я лечу на Север за развлечениями. Вы знаете что-нибудь об айсбергах?

– Только то, что это отколовшиеся от материка горы.

– Точно, горы. И я собираюсь покорить одну из них. Витя мне поможет. Правда, Витя?

Молчаливый альпинист хмуро кивнул. Ульяна усмехнулась:

– Кажется, я понимаю. В какой-то передаче говорили, что восхождение на айсберги – последний писк у богатых балбесов.

– Совершенно верно! – засмеялся Дмитрий. – И я как раз из тех балбесов.

Ульяна взглянула на Дмитрия внимательнее, и на этот раз в ее глазах зажегся неподдельный интерес.

– Любите карабкаться на горы? – уточнила она.

– Обожаю!

– И как вы залезете на айсберг? Перепрыгнете на него с берега?

Дмитрий хмыкнул.

– Я бы рад, но, увы, это невозможно. Айсберги не подплывают к берегу.

– Почему?

– Льды всегда двигаются от центра. Откалываются от береговых шельфовых ледников, падают в воду и плывут в океан.

– Ясно. Значит, к айсбергу вас доставит вертолет или какой-нибудь ледокол. Веселое развлечение.

– Хотите попробовать? – внезапно предложил Дмитрий.

Ульяна усмехнулась:

– Ну уж нет. Лазить по кускам льда – такое не для меня. Не мой размер.

– Нужный размер я бы вам подыскал, – весело возразил Дмитрий. – Между прочим, отдельные айсберги по величине превышают некоторые страны. Лет двадцать назад от шельфового ледника откололся айсберг размером с государство Люксембург!

Ульяна утрированно присвистнула:

– Вот это да! И что же с ним стало?

– Он уплыл в море и унес на себе аргентинскую опорную станцию и советскую летнюю базу.

– Вы не шутите?

Дмитрий качнул головой:

– Нет. А в шестидесятых годах от Антарктиды откололись и уплыли в море айсберги с пятью американскими исследовательскими станциями. Представляете – целых пять станций!

Ульяна снова присвистнула.

– Жуть! У меня аж дух захватывает.

Дмитрий улыбнулся:

– Тут все не так, как в цивилизованном мире. Иногда, когда я лечу на Север, воображаю себя космонавтом, отправившимся на далекую планету. И знаете, сравнение совсем не притянуто за уши.

«Покорение вершины айсберга... А ведь это интересно! И обалденно романтично!» – мелькнуло у Ульяны. Внезапно в ней проснулся профессионал. Покорение плавающих гор – отличная тема для документального фильма.

– И сколько лет айсберги плавают в море? – спросила она у Дмитрия.

Тот пожал плечами:

– Да когда как. Обычно лет десять, после чего тают. Но некоторые могут плавать у берегов Арктики по тридцать лет.

Ульяна перевела взгляд на молчаливого бородача, который хмуро смотрел в окно и, казалось, совсем не прислушивался к их беседе.

– А ваш спутник и правда крутой альпинист?

Дмитрий кивнул:

– Правда.

– И он не слишком любит разговаривать, верно?

– Да, говорить он не мастер. Но в покорении айсбергов ему нет равных!

– Жаль, что мы расстанемся, – с искренним сожалением сказала Ульяна. – Я бы хотела узнать о вашем проекте побольше.

– Так мы с вами еще долго не расстанемся, – с улыбкой возразил Дмитрий.

– Как это? – не поняла Ульяна. – Вы что, тоже летите на полярную станцию «Заря»?

– Ну да. Там наш перевалочный пункт.

На лице Ульяны появилась растерянность.

– Вот как... – неопределенно проговорила она. – А я почему-то думала, что станция «Заря» – закрытый объект.

– Закрытый, – согласился Дмитрий. – Но не для меня. Видите ли, я вложил довольно много денег в ее строительство.

– В каком смысле?

– В прямом. К тому же львиная доля оборудования станции куплена на мои деньги. Вернее – на деньги моей корпорации.

– Вот оно что. Значит, у вас есть корпорация? И как же она называется?

– «Буров». Слышали про такую?

Ульяна наморщила лоб и качнула головой:

– Нет. Это от слова «бурить»?

– Нет. Буров – моя фамилия.

Ульяна хотела еще что-то спросить, но тут пилот крикнул:

– Скоро приземляемся! Пристегните ремни, ребята! Внизу вас ждет огромный снегоход!

Глава 2

Станция «Заря»

1

Пилот не обманул – снегоход был так огромен, что в нем легко уместились Ульяна с Иваном и оба их спутника со всем своим снаряжением.

За рулем сидел небритый рыжий парень в белой куртке-парке и в ковбойской шляпе, надетой прямо поверх лыжной шерстяной шапочки. В углу его большого рта красовалась зубочистка. Представился он Леликом, хотя на самом деле (Ульяна успела проштудировать список сотрудников, который ей выдал координатор) имя парня было Леонид Парников, и числился он станционным механиком.

Сама Ульяна оделась в красный пуховик и бело-голубую шапку с балаболкой на макушке и длинными-предлинными ушами. Глядя на снегоход снаружи и поеживаясь от ледяного ветра, она думала, что в кабине ее ждет настоящий мороз, но, по счастью, в кабине работала печка.

Оператор Иван был одет в просторную куртку, похожую на аляску зеленовато-болотного цвета. На голову, едва выбравшись из самолета, великан натянул кроличью шапку-ушанку с красной звездой на лбу. Должно быть, купил «чудо природы» на Старом Арбате.

Белая пустыня, простиравшаяся вокруг на сотни километров, заставила Ульяну поежиться от волнения. Казалось странным, что в этом белом, холодном мире могут жить люди.

Снегоход тяжело пробирался вдоль снежных наносов. Плексигласовые стекла кабины позволяли Ульяне наслаждаться видом окрестностей – если, конечно, слово «наслаждаться» уместно, когда речь идет о безнадежно однообразной снежной равнине. А еще машина была снабжена мощными фарами, посылающими вперед и вокруг широкие полосы света.

– Сколько градусов за бортом? – поинтересовалась Ульяна у водителя.

– Всего минус четырнадцать, – ответил тот и, с интересом покосившись на Ульяну, добавил: – Сегодня у нас тепло. А вчера было минус восемнадцать. Для сентября это нормально. Сейчас тряхнет!

Лелик дернул за какой-то рычаг. Снегоход, несмотря на всю свою внушительную массу, довольно лихо развернулся на девяносто градусов и поехал вдоль гряды невысоких снежных холмов, поднимаясь в гору.

– А мы не соскользнем? – с опаской поинтересовалась Ульяна.

– Не должны, – небрежно ответил Лелик, пожевывая свою зубочистку. – У нас шипованные гусеницы.

Механик переключил рычажок тумблера, и снегоход стал набирать скорость.

– Хорошая машинка, – оценил Дмитрий.

– Да, неплохая, – согласился Лелик. Глянул на Дмитрия и сипло уточнил: – А вы тот самый миллиардер?

– Тот самый, – кивнул Дмитрий.

– И как оно?

– Что?

– Быть миллиардером?

– Мне нравится.

Лелик усмехнулся и передвинул зубочистку в другой уголок губ:

– Мне бы, наверное, тоже понравилось. Живи себе, развлекайся.

– Иногда приходится и работать, – возразил Дмитрий.

– Как каждому из нас, – философски изрек Лелик.

Снегоход потряхивало. Встречный ветер безжалостно бил по кабине. На полном ходу машина пересекла ледяной глетчер и взлетела на невысокую снежную грядку. А спустя пару минут снова выехала на гладкую поверхность и продолжила пробираться через ледник.

– Жутковато тут у вас. – Оператор Иван поежился в своей зеленой куртке. – Как подумаешь, что эти снега никогда не тают, так сразу пробирает холод.

– Ну, иногда они все же тают, – заметил Лелик небрежно. – А холодно тебе из-за паршивой одежды. Куртка у тебя, парень, дрянь. На станции подыщу тебе что-нибудь потеплее.

– Спасибо, – хмуро проговорил Иван. – А далеко еще до станции?

– Нет. Мы почти приехали. Посмотрите правее.

Ульяна и Иван повернули голову к правому окну и действительно увидели в отдалении странное сооружение, похожее на россыпь темных вагончиков, наполовину погребенных под снегом. В центре находилось главное здание, крыша которого – круглый грязно-белый купол. На плоской крыше одного из темных вагончиков виднелась радиоантенна. Несколько туго натянутых проводов соединяли верхнюю часть антенны с нижней. Станция была слабо освещена желтоватым светом, исходящим из свода главного здания.

– Через пару минут будем вытряхиваться, – сообщил Лелик, сдвинув ковбойскую шляпу на затылок и пожевывая зубочистку. – На улице ветер, поэтому надевайте рукавицы и прячьте лица.

Снегоход приблизился к одному из вагончиков и остановился у темной двери. Дверь почти тут же распахнулась, и на снег легла желтая полоска электрического света. На улицу вышел высокий мужчина с густой черной бородой. Одет он был в огромную светлую парку с безобразным шерстяным капюшоном, скрывающим верхнюю часть лица.

Мужчина шагнул к снегоходу как раз в тот момент, когда Ульяна спрыгнула на скрипучий утопанный снег.

– Привет, командор! – поприветствовал его Лелик, приземлившись рядом с Ульяной. – Принимайте пополнение!

Чернобородый откинул капюшон и скользнул взглядом по лицам прибывших. Глаза у него были черные и неприязненные, из чего Ульяна заключила, что лично для командора прибывшие – не слишком желанные гости.

– Начальник экспедиции Игорь Валерьянович Беглов, – представился командор глуховатым голосом. – Идемте внутрь.

Он повернулся и первым шагнул к двери ангара.

2

Пару минут спустя Ульяна, Иван, миллиардер Дмитрий и его спутник-альпинист шли за командором Бегловым по запутанному лабиринту светлых коридоров, выслушивая краткие комментарии.

– Здесь у нас – лаборатории.

Двери по обеим сторонам коридора были слегка утоплены в стены. На одной из них Ульяна разглядела прямоугольную табличку, на которой было написано: «Лаборатория биотоксинов».

Где-то далеко тихонько урчал генератор, подпитывая током прикрученные к потолкам люминесцентные лампы.

– А здесь – жилая зона, – продолжал командор. – Спальни, комната отдыха. Народу на станции сейчас мало, вы попали в пересменку. Часть команды уже улетела на Большую землю, и взамен еще никто не прилетел.

Воздух на станции был теплым, но не слишком свежим. Царила смесь трудноразличимых запахов, обычно сопровождающих скопление людей в замкнутом пространстве.

– Сколько же здесь всего человек? – спросила Ульяна.

– Сейчас семь, – последовал ответ. – С вами – одиннадцать.

Дойдя до конца коридора, они уткнулись в большую черную дверь. Из-за двери доносился приглушенный шум.

– Здесь у нас что-то вроде кают-компаний, – сказал командор и взялся за ручку.

Кают-компания оказалась большой комнатой, уставленной креслами и диванами. В одном углу – небольшая плита, кофеварка, стол со стульями. В другом – большой экран телевизора.

В креслах и на диванах сидели пять человек. Все – мужчины. Двое играли в шахматы, один слушал музыку, еще двое пили кофе и болтали о чем-то.

– Минуту внимания! – громко проговорил командор.

Голоса тут же стихли. Было видно, что командор Беглов пользуется у своих подчиненных непререкаемым авторитетом.

– К нам приехали гости, о которых я вам говорил. Кинорежиссер Ульяна... – Командор запнулся и вопросительно посмотрел на Ульяну.

– Макарская, – представилась та и смущенно улыбнулась. Стоять тут, у двери, под взглядами почти десятка пар глаз, было не слишком-то уютно.

– Кинорежиссер Макарская, – повторил командор с легким кивком. – С ней – оператор Иван Рогов. А эти двое парней – Дмитрий Буров и Виктор Хворостов, которых многие из вас уже знают. Как говорится, прошу любить и жаловать.

Где-то неподалеку что-то сильно загрохотало.

– Что там такое? – спросил Беглов, нахмурившись.

– Тучков опять реактивов нанюхался, – со смехом отозвался розовощекий мужчина с зачесанными на лысину светлыми редкими волосами.

– Тучков – наш биолог, между прочим, доктор наук, – объяснил Ульяне командор и крикнул, оглядываясь: – Тучков Павел Иванович!

Ответа не последовало. Однако за стеллажами опять раздался грохот.

– Наверное, заблудился между холодильником и кладовой, – весело сказал кто-то.

Полярники засмеялись. Командор Беглов тоже было улыбнулся, но тут же стер улыбку с лица и напустил на себя свой обычный строгий вид.

– Павел Иванович очень рассеянный человек, – пояснил он Ульяне. – Говорят, однажды умудрился перепутать чучело полярной совы с курицей, которую купил на рынке.

- Вот это да! – засмеялась Ульяна. – И как цесарка, хороша была на вкус?
- Вы у него сами спросите. Если, конечно, нам удастся его разыскать.

3

Знакомство прошло отлично. Сотрудники полярной станции оказались людьми приветливыми, спокойными и не слишком любопытными. По крайней мере, никто не допекал Макарскую глупыми вопросами. Полярники общались с ней ровно, спокойно и вполне дружелюбно.

Представив гостей полярникам, командор сам, лично, провел их по комнатам. Ульяна осталась вполне довольна своей комнатой. Не ахти что, конечно, но на «две звезды» или студенческий хостел вполне тянет. Мягкая узкая кровать, столик, кресло; шкаф с зеркальной дверцей; на комодике маленький телевизор, на полке – DVD-проигрыватель и десяток дисков с джазом.

– Кто у вас увлекается джазом? – поинтересовалась Ульяна.

Командор усмехнулся:

– Наш геодезист. Позавчера он уехал на Большую землю, а свою муть оставил нам.

– Муть?

– Он мучил нас джазом изо дня в день. Разбудите меня ночью, и я скажу, чем отличается бибоп от диксиленда. И меня от этой какофонии уже мутит.

Полчаса спустя Ульяна и остальные гости сидели за столом, держа в руках большие чашки с чаем, а стол был уставлен печеньем. В кают-компании было жарко натоплено, но сознание того, что за стенами простирается бескрайняя ледяная пустыня, заставляло Ульяну то и дело поеживаться.

Уже скоро она познакомилась и перекинулась парой слов практически с каждым из полярников. Биолог Тучков все-таки нашелся – невысокий, пожилой, лысоватый полный человек в очках с такими толстыми линзами, что глаза его казались нарисованными прямо на стеклах.

Врач Александр Натанович Кон, мужчина лет сорока пяти, сухой, как палка, с трубкой во рту, был, как подумала Ульяна, похож на постаревшего Шерлока Холмса. Он сидел в кресле и внимательно наблюдал за шахматной игрой, которую вели метеоролог Альберт Петрович Ветров, чернявый, лохматый, небритый, смахивающий на заспанного домового, и повар экспедиции Олег Круглов, тот самый розовощекий тип, который смеялся над Тучковым.

В кают-компанию вошел невысокий широкоплечий блондин в клетчатой теплой рубашке и с красивым лицом скандинавского типа. Завидев незнакомцев, он остановился и слегка прищурился.

– Командор, это и есть наши гости? – проговорил он сипловатым голосом.

– Да, Антон. Знакомься... – Командор Беглов представил парню гостей. А затем назвал его самого: – Антон Васильев – наш программист, сисадмин и так далее, и тому подобное. На его попечении вся компьютерная техника на станции.

Антон лишь скользнул взглядом по лицам вновь прибывших мужчин, а вот на Ульяну уставился пристально и внимательно.

– Вы правда режиссер? – спросил он.

– Правда, – ответила Ульяна.

– И какие ваши фильмы я мог видеть?

– Думаю, что никаких, – пожал плечами Ульяна. И неохотно пояснила: – Я снимаю документальное кино.

– И что, оно приносит прибыль?

– Я снимаю ради собственного удовольствия. Прибыль стоит для меня на втором месте.

Блондин холодно усмехнулся:

– Интересно.

– Что?

– Значит, и в наш ледяной ад вы забрались исключительно ради собственного удовольствия?

Ульяна слегка покраснела. Увидев ее замешательство, командор Беглов пришел на помощь:

– Антон, кончай грузить нашу гостью глупыми вопросами.

– А разве они глупые? – вскинул брови красавец-скандинав. – Я никогда раньше не общался с творческими людьми. Если, конечно, не считать нашего повара Круглова, самое великое творение которого – пересоленный суп с клецками.

– Эй! – послышался от шахматного столика зычный голос повара. – Я все слышу!

– Знаю, – усмехнулся программист Антон. – Поэтому и лыщу тебе, как твой рекламный агент.

Говоря это, наглый программист продолжал разглядывать Ульяну таким взглядом, от которого даже самой прожженной московской путане стало бы неловко.

Ульяна, недовольно нахмурившись, достала из кармана пачку «Мальборо-лайт» и вытряхнула сигарету. В руке программиста Антона тут же появилась зажигалка. Щелчок – и вот уже рыжий огонек пламени пляшет у лица Ульяны. Она прикурила сигарету, глянула на наглого блондина сквозь облачко дыма и насмешливо осведомилась:

– Вы что, фокусник?

– Конечно, – спокойно проговорил он. – Не верите – спросите у командора, он подтвердит.

– Подтверждаю, – кивнул, потряхнув черной бородой, командор Беглов.

– Каждый, кто приезжает на станцию, привозит нам что-нибудь полезное или вкусное, – сказал Антон. – Вы тоже что-нибудь привезли?

– В самом деле, черт, как же я забыла! Я ведь привезла вам кое-какие лакомства и несколько одеял с подогревом. Медвед, где мои сумки?

– Здесь, – отозвался механик Лелик, присаживаясь рядом с двумя тюками, которые притащил и бросил у стены оператор Иван.

Он сдвинул за затылок ковбойскую шляпу, быстро расстегнул тюк и вынул несколько одеял, свежий хлеб и несколько прозрачных пластиковых контейнеров с нарезкой окорока, балыка и колбас.

Полярники поднялись с кресел и диванов и сгруппировались вокруг тюков.

– Отлично! Вкуснотища! Ай да режиссер! – загудели мужчины.

Ульяна улыбнулась, затянулась сигаретой и вдруг встретила глазами с глазами Антона. Программист по-прежнему разглядывал ее в упор.

– Мясо и одеяло – это хорошо, – сказал он. – А как насчет выпивки?

– Антон! – сурово осадил его Беглов.

Программист криво ухмыльнулся, по-прежнему глядя на Ульяну:

– Да ладно вам, командор. Что естественно, то не безобразно.

– У меня в рюкзаке есть две бутылки отличного французского коньяка, – сообщил Дмитрий и покосился на Беглова. – Надеюсь, вы не против, командор?

– А мы с Ульяной привезли бутылку «Смирновской», – хвастливо пробасил Иван, потягивая сладкий кофе. – Литровую.

– Выходит, у нас сегодня будет праздник? – оживился Антон. – Командор, вы подогнали нам отличных гостей.

– Коньяк и водка – даже лучше мяса и одеял! – провозгласил, играя ямочками на румяных щеках, повар Круглов.

Мужчины тут же потеряли интерес к одеялам и мясу и, оживленно переговариваясь, потянулись к дивану, на котором сидел Дмитрий.

Тот виновато взглянул на Беглова:

– Командор, вы на меня не обижаетесь?

– Вообще-то я не люблю внеплановых праздников, – сказал Беглов.

– Да ладно, командор! – подзадорил начальство Антон. – Давайте устроим настоящую вечеринку! Мы тут совсем скисли без женского общества.

– А что, программист прав, – поддержал его повар Круглов.

– Действительно, командор, пара бутылок коньяка нам не помешает, – подал голос лохматый метеоролог Ветров.

– И бутылка «Смирновки», – напомнил, усмехаясь и раскуривая погасшую трубку, доктор Кон. – Литровая, если я правильно понял.

Несколько секунд чернобородый командор сидел молча, хмуро шевеля бровями. Затем вздохнул и сказал:

– Веврки из меня вьете... Хорошо, черт с вами. Будет вам вечеринка.

– Ура командору! – возопил программист Антон.

– Да здравствует командор! – просиял повар Круглов.

– У нас самый лучший командор за полярным кругом! – добавил тощий доктор Кон, попыхивая своей шкиперской трубкой.

Дмитрий уже выставлял на стол бутылки «Хеннесси Икс-О». Иван Рогов тоже потянулся к рюкзаку.

Ульяне вдруг стало ужасно весело. Происходящее напомнило ей какой-то старый добрый фильм про геологов. Добродушные, одетые в свитера, небритые по три дня, а то и просто бородатые мужчины казались ей пришедшими в наш мир из славных шестидесятых годов.

Однако к веселости ее примешивалось и легкое ощущение этакого неуютства. Все же она была одна среди мужчин. Молодая, эффектная. А они так «изголодались по женскому обществу». Если высокомерный красавец-программист снова будет так нагло пялиться на нее, пожалуй, нужно будет послать его куда подальше... А то и просто съездить ему по физиономии. Чтoб не особо напрягался.

Ульяна представила себе эту сцену и хмыкнула. Пожалуй, Антону давно уже никто не давал по физиономии. Если вообще давали.

– Сейчас бутылки не открывать! – услышала Ульяна строгий голос командора Беглова. – Устроим сегодня что-то вроде вечеринки. А пока приведите себя в порядок – за столом будет женщина.

– В какой порядок? – не понял Лелик, весело покосившись на Ульяну.

– Обыкновенный. Сходи побрейся. А ты, Ветров, причеши шевелюру. Клен на осеннем ветру и то приличней выглядит.

– Как же я ее причешу, если она не причесывается? – рассеянно откликнулся лохматый метеоролог.

– Мне все равно как. Хоть мылом намыль.

Мужчины засмеялись. Ульяна увидела, что Дмитрий поднялся с кресла и направился к двери. Она тоже встала и быстро спросила, когда он проходил мимо:

– Вы куда?

Дмитрий приостановился и ответил:

– К себе в комнату. Хочу принять душ и перебрать вещи.

– Возьмете меня в спутницы?

– В каком смысле? – не понял Буров.

Ульяна усмехнулась:

– В приличном. Проводите меня до моей комнаты. Вам ведь несложно?

– Нисколько, – улыбнулся Дмитрий. – Идемте.

4

– Ну, как вам здесь? – поинтересовался миллиардер, шагая по гулкому коридору.

– Хорошо, – ответила Ульяна. – И вполне уютно. Даже не верится, что отсюда до Северного полюса рукой подать.

– Вы не были на станции в январе или в феврале. Зимой в этой пустыне настоящий ад. За стенами – минус сорок пять и ледяной ветер. Выйдешь на улицу без страховки – обратно уже не вернешься. Впрочем, заблудиться можно и в сентябре. Через несколько дней начнется буря, а здесь это целое светопреставление. Советую вам уехать отсюда раньше.

– Я бы хотела посмотреть на полярную бурю, – сказала Ульяна.

Дмитрий взглянул на нее удивленно.

– Зачем?

– Если не увижу сейчас – не увижу уже никогда.

– Гм... – Буров поскреб ногтями переносицу. – Интересный подход.

– И очень полезный, – заверила его Ульяна. – Если бы не этот подход, я бы не увидела много прекрасных вещей. Дмитрий, можно вас кое о чем спросить?

– Валяйте, – разрешил бизнесмен.

– Чем вы занимаетесь?

– То есть?

– Ну, на чем вы заработали свои миллионы?

– В основном на нефти.

Ульяна вздохнула:

– Так я и думала.

Дмитрий покосился на нее, нахмурился и проговорил:

– Судя по тону, вы это не одобряете?

– Не одобряю, – подтвердила Ульяна. – И тут я, думаю, неоригинальна.

– Да уж. В нашей стране вас поддержали бы как минимум сто тридцать миллионов человек.

– И вас это не коробит?

Буров покачал головой:

– Нет. Я не просто качаю из земли нефть, вкладываю деньги в производство. Два месяца назад мы с партнерами открыли новый нефтеперерабатывающий завод. А в прошлом году...

– Не оправдывайтесь, – насмешливо перебила его Ульяна, – все равно вам нет прощения. Ладно, не напрягайтесь, я шучу. Можете зарабатывать деньги так, как вам вздумается. Я не завистлива и стараюсь никогда никого не судить.

– Еще один правильный подход, – одобрил Дмитрий.

– Не столько правильный, сколько выгодный. Я, конечно, не миллиардерша, но и у меня есть свои «скелеты в шкафу».

– У вас? – не поверил своим ушам Буров.

– Конечно.

Дмитрий хмыкнул:

– Никогда бы не подумал. На вид вы совершенно приличная девушка.

– Внешность обманчива, – кокетливо проговорила Ульяна. – Впрочем, кому, как не вам, это знать.

Буров улыбнулся.

– Придется мне держать с вами ухо остро. – Он остановился перед дверью. – Мы пришли. Вот ваша комната. А моя – чуть дальше.

– Спасибо, – поблагодарила Ульяна, доставая выданный ей командором ключ.

У себя в комнате она быстро разобрала вещи. Потом приняла душ. Душевая кабинка была такой, какую Ульяна и ожидала увидеть: пластик, никелированные поверхности – хай-тек в чистом виде.

Затем Ульяна решила самостоятельно добраться до кают-компания. Но, едва перешагнув через порог комнаты, тут же наткнулась на Антона. Белобрысый программист стоял, прислонившись спиной к стене.

– Черт! – с досадой воскликнула Ульяна. – Вы меня напугали!

Антон окинул ее насмешливым взглядом.

– Не ожидали меня здесь увидеть?

– Не ожидала. А что вы тут делаете?

– Возможно, вы не знаете, но коридор на станции общий, – неуклюже сострил Антон, пристально рассматривая Ульяну.

Ей стало неловко под его взглядом.

– Хотите сказать, что просто проходили мимо?

Парень отрицательно качнул головой:

– Нет. Я ждал вас.

Ульяна удивленно и недовольно дернула плечом:

– И зачем же?

Антон отклеился от стены, шагнул ей навстречу. Подошел вплотную, прищурил голубые глаза и тихо проговорил:

– Я ведь тебе понравился, правда?

– Что? – не поверила своим ушам Ульяна.

– Я видел, как ты на меня смотрела. – Антон облизнул губы кончиком языка. – К чему скрывать очевидное?

– Да-да, знаю, – с ледяной усмешкой кивнула Ульяна. – «Я привлекательна, вы – чертовски привлекательны. Чего время зря терять?..» Так, что ли?

– Почти.

Ульяна хотела отойти в сторону, но Антон выставил руку и упер ее ладонью в стену, отрезая девушке путь. Ульяна дернулась в другую сторону, но программист выставил вторую руку.

– Не так быстро, – сказал он, пристально глядя на Ульяну. – Не нужно меня бояться. Большинство людей считает, что я хороший парень.

Ульяна подняла глаза и, прищурившись, спросила:

– А меньшинство?

– Меньшинство считает, что я гад.

– И кто же из них прав?

Антон криво ухмыльнулся.

– Большинство всегда право. А меньшинство всегда ошибается. Я в самом деле неплохой парень. И я могу быть хорошим другом. Могу провести вас по всей станции и показать даже самые укромные уголки.

– Спасибо. Я обязательно воспользуюсь вашим предложением. Но не сейчас.

– Почему?

– Сейчас у нас намечается вечеринка. Разве не так? – Ульяна через силу улыбнулась. – Вы ведь не хотите, чтобы командор рассердился, верно?

– Командор? – Светлые глаза программиста сузились, а по губам скользнула презрительная усмешка. – Уж не думаете ли вы, что я его боюсь?

– Нет. Совсем нет. Однако... – Ульяна вдруг уловила легкий запах перегара, исходивший от Антона, и в сердцах проговорила: – Вот черт, да ведь вы пьяны!

Затем она положила руки на грудь парню и резко оттолкнула его. Повернулась, чтобы уйти, но не тут-то было – Антон схватил Ульяну за плечи и резко притянул к себе, попытавшись поймать губами ее губы. Девушка увернулась и повторила попытку вырваться, но программист снова стиснул ее в объятиях и проговорил хрипло и возбужденно:

– Не надо. Я не злодей. Просто я...

Из-за угла вышел Буров. Увидев Ульяну и Антона, он на мгновение замер.

– Что здесь происходит? – недоуменно спросил.

Антон досадливо дернул щекой и бросил грубо, неприязненно:

– Иди куда шел, Рокфеллер!

Дмитрий скользнул взглядом по его покрасневшемуся лицу, затем посмотрел на Ульяну и нахмурился.

– Ульяна, этот тип пристает к вам? – спросил он.

– Приставал, – спокойно ответила девушка. – Но я уже разобралась. Антон, спасибо за предложение показать мне станцию, но сейчас я хочу пойти в кают-компанию.

Она двинулась было в сторону, но Антон шагнул за ней и схватил за руку. Дмитрий быстро прошел к Антону и взял его за предплечье.

– Отпусти ее, – тихо, но твердо сказал он. – Отпусти и иди к себе в комнату. Ты перебрал со своим бурбоном.

Пару секунд никто не двигался. Потом Антон медленно искривил губы в усмешке и выдохнул:

– Вот оно что. Похоже, вы уже спелись. Что ж, так и должно быть. Ты миллиардер, тебе и карты в руки. Девушки любят богатеньких.

Антон разжал пальцы, и Ульяна, вырвав руку, отбежала от него на пару шагов. Взглянула на пьяного программиста сверкающими от гнева глазами и выкрикнула:

– Идиот! Попробуешь еще раз ко мне сунуться...

– Не надо, Ульяна, – тихо сказал Дмитрий и встал между ней и Антоном. – Инцидент исчерпан.

Антон развернулся и зашагал по коридору.

Ульяна вздохнула с облегчением.

– Вот гад, – тихо сказала она. – Бывают же такие гады...

– Вообще-то Антон отличный специалист, да и человек неплохой, – возразил Буров. – Но он на станции уже шесть месяцев, и у него, кажется, немного снесло крышу.

– Так можно любого маньяка оправдать, – холодно проговорила Ульяна. – Он что, алкоголик?

– Насколько я знаю, нет. Думаю, просто парень захандрил. С людьми такое часто случается. Тем более с теми, которые вынуждены жить и работать вдали от цивилизации.

– Снова оправдываете?

– Скорее пытаюсь понять.

– Добром такая «хандра» не кончится, – сказала Ульяна.

– Через три дня Антон уезжает, – покачал головой Дмитрий. – Я знаю его еще с прошлого посещения станции и обещал взять его к себе в технический отдел. Так что не в его интересах устраивать дебоши.

– Иногда взрыв происходит неосознанно, – заметила Ульяна. – Жизненный опыт научил меня не доверять пьющим мужчинам.

– С этим трудно спорить, – смиренно кивнул Буров.

Ульяна хотела еще что-то сказать, но передумала и спросила:

– Кстати, а вы сами-то почему не в кают-компании?

Дмитрий улыбнулся:

– Если честно, то я шел к вам.

Ульяна посмотрела на него подозрительно.

– Так же, как Антон? Интересно. У вас тут такое местное развлечение? Кто теснее прижмет девушку к стене?

Улыбка сошла с губ Дмитрия.

– Зря вы так, – сказал он. – Я просто хотел пригласить вас в гости. Без всякой задней мысли.

Ульяна хмыкнула и холодно прищурилась:

– И с какой стати я должна принимать ваше приглашение?

– У меня есть еще одна бутылка коньяка. Очень хорошего. Настолько хорошего, что я не хочу показывать его другим.

– Почему?

Дмитрий взглянул на Ульяну мягким, добродушным взглядом и ответил:

– Потому что такие напитки не пьют толпой. И уж тем более не пьют в одиночку.

– Вот как? Ну и пригласили бы Витю Хворостова. Насколько я успела понять, вы с бородатым скалолазом очень близки.

Буров отрицательно качнул головой:

– Витя не пьет. А коньяк действительно хорош. Готов побиться об заклад, вы такого не пробовали.

Ульяна колебалась. Дмитрий ей нравился. И, как ни крути, он был ее единственным знакомым и, в общем-то, единственной опорой в этом чужом и опасном мужском царстве.

– А разве нас не ждут на вечеринке? – спросила она, понимая, что вот-вот сдастся.

– До нее еще полчаса. Мы успеем выпить по бокалу. Соглашайтесь, Ульяна, тут нет ничего дурного или зазорного.

Ульяна рассеянно сдвинула брови.

– Даже не знаю, хорошо ли это будет...

Дмитрий улыбнулся и пожал плечами:

– А почему нет?

«Да какого черта!» – подумала Ульяна и кивнула:

– Хорошо. Я принимаю ваше приглашение.

5

– «Реми Мартен» сорокалетней выдержки, – горделиво проговорил Дмитрий. – Я купил эту бутылку на аукционе в Лондоне.

– Наверное, она стоит кучу денег?

– Вы даже не представляете сколько. Я купил четыре бутылки отличного коньяка. Эта – третья. Осталась еще одна.

– Почему именно четыре?

– Один человек, которого я очень уважаю, сказал мне, что я должен покорить четыре вершины. Я был на Эвересте и пике Коммунизма.

– И теперь решили покорить айсберг?

Дмитрий кивнул:

– Верно. Это будет третья вершина.

Ульяна насмешливо прищурилась:

– Люблю символистов. Похоже, вы славный парень.

Буров улыбнулся:

– Я тоже так считаю.

Ульяна сделала глоток и, блаженно прикрыв глаза, тихо проговорила:

– Обалденный напиток. Послушайте, Дмитрий, как вообще такой человек, как вы, мог разбогатеть?

– Дима. Зовите меня просто Дима. А что вас смущает?

– Ну, знаете... Считается, что бизнесмены... как бы помягче сказать...

– Бессердечные, жестокие ублюдки, думающие лишь о собственной выгоде?

Ульяна кивнула:

– Да. Что-то в таком роде.

– Когда я работаю, я такой и есть. Но здесь... – Дмитрий обвел взглядом стены комнаты. – Здесь я отдыхаю.

– То есть снова становитесь человеком?

Он улыбнулся:

– Верно.

Ульяна еще немного посмаковала коньяк.

– Повезло вашей жене, – сказала она. – Она может пить такие напитки когда захочет.

Дмитрий качнул головой:

– Я не женат. Был когда-то, но два года назад мы разошлись.

– Почему?

– Я тогда не умел наслаждаться жизнью. Был настоящим трудоголиком, дни и ночи проводил в офисе и дома почти не появлялся. Моей жене это не нравилось.

– Должно быть, она потащила вас в суд и отсудила у вас половину вашего бизнеса. У богачей ведь так происходит?

Дмитрий улыбнулся:

– В основном да. Но у нас все было иначе. Я заплатил ей щедрые отступные, и никакого суда не было.

Ульяна отпила еще глоток.

– И как у вас с этим теперь? – поинтересовалась она.

– С чем?

– С личной жизнью.

– Как вам сказать...

– По возможности прямо. Есть у вас девушка или нет?

Дмитрий внимательно посмотрел на Ульяну и спокойно ответил:

– Постоянной нет.

– Значит, вы – бабник?

– Да нет. Скорее наоборот. Я был бы рад встретить хорошую девушку и связать с ней жизнь, но... – Буров пожал плечами. – Как-то не выходит.

Ульяна хмыкнула.

– Странно. А я думала, вокруг богачей так и выются красотки.

– Выются, – согласился Дмитрий. – Да не те. Эти девицы смотрят на меня как на свою будущую жертву. Они настоящие охотницы. Однако пользуются слишком примитивным оружием.

– Но ведь оружие срабатывает?

– Реже, чем им бы хотелось.

Несколько секунд оба молчали, смакуя коньяк. Первой паузу прервала Ульяна:

– Дима, вы сказали, что не умели наслаждаться жизнью. А теперь научились?

– Да. Я встретил одного человека. Далеко, на Тибете. И он научил меня жить по-настоящему.

– Вы буддист?

Бизнесмен посмотрел сквозь бокал с коньяком на лампу и улыбнулся:

– Можно и так сказать. Я частенько навещаю буддийские храмы. Но больше всего меня тянет Север.

– Когда-нибудь, когда и я научусь жить, возьмите меня с собой на айсберг, – шутливо сказала Ульяна.

Дмитрий пристально взгляделся в ее лицо и ответил неожиданно серьезным голосом:

– Хорошо. – Затем глянул на часы и сказал: – Нам пора в кают-компанию.

Ульяна вздохнула:

– Жаль. Мне с вами так уютно, что не хочется никуда идти.

– Правда?

– Да.

– Мы можем вернуться сюда после вечеринки и допить коньяк.

Ульяна засмеялась:

– А вы оптимист. Думаете, мы с вами будем в состоянии?

Он пожал плечами:

– Не знаю.

– Ладно. Если я не свалюсь с ног от усталости или коньяка, то обязательно зайду к вам, чтобы пожелать спокойной ночи.

– Ловлю вас на слове.

Они опустошили бокалы и встали с кресел.

Глава 3

Прерванная вечеринка

1

Беглов и впрямь переоделся. Теперь вместо теп-лых штанов на нем были черные брюки, а под свитер он надел белую рубашку. Преобразились и другие мужчины. Лелик сбрил свою многодневную щетину. Повар Круглов зализал реденькие волосы набок, сделав аккуратный проборчик. Даже метеоролог Ветров выглядел иначе – волосы его по-прежнему торчали в разные стороны, но носили явные следы борьбы с расческой.

Лишь одного человека не было в кают-компании – программиста Антона. Командор связался с ним по коммутатору, но Антон заявил, что скверно себя чувствует. К облегчению Ульяны, программиста тут же оставили в покое.

На стол выставили блюда с аккуратно нарезанным мясом, фруктами и хлебом. Кроме того, повар Круглов принес кастрюлю с горячим овощным рагу, и хотя Ульяна отказалась его есть, объяснив, что с детства не любит рагу, мужчины охотно подставляли тарелки под половник Круглова.

Дождавшись, пока все рассядутся и успокоятся, Беглов собственноручно разлил коньяк по пластиковым стаканчикам и провозгласил первый тост:

- За наших гостей и за то, чтобы вахта поскорее закончилась!
- За гостей!
- За конец вахты!
- За возвращение на Большую землю! – загалдели мужчины.

Коньяк пошел на «ура». Дальше тосты произносили по очереди все сидящие за столом, но довольно однообразные. Было совершенно очевидно, что жизнь в изолированном мире полярной станции надоела мужчинам до чертиков, и они не могли дожидаться возвращения домой.

Дорогой коньяк довольно быстро закончился, и в дело пошла литровая бутылка «Смирновской».

Ульяна была слегка напряжена. Мужчины то и дело бросали на нее быстрые любопытные взгляды, и если бы не сидящий рядом Дмитрий, она бы чувствовала себя совсем неуютно.

Спустя минут сорок после начала вечеринки Ульяна решила, что было бы неплохо снять сотрудников станции в «вольной обстановке», чтобы затем вставить этот эпизод в финальные кадры будущего фильма.

Она подала знак Ивану. Тот кивнул и взял с колен видеокамеру. Сперва сняли общий план. Мужчины специально «для этого дела» провозгласили тост за процветание российской науки и за дружбу с иностранными коллегами.

Все были слегка навеселе, поэтому видеокамера никого не смущала. Воспользовавшись приподнятой атмосферой, Ульяна решила взять у каждого из присутствующих мини-интервью. Что-то вроде веселой застольной беседы. Причем попросила сотрудников сейчас воздержаться от научных тем и оставить их на завтра, когда в головах у всех прояснится и на станцию снова придет «унылая трезвость».

Фразу «унылая трезвость» подкинул повар Круглов, она тут же была весело подхвачена присутствующими, и в ближайшие пять минут ее – к общему удовольствию – склоняли на все лады, пока Круглов не подкинул новую фразочку.

Наконец, когда страсти слегка улеглись, Ульяна принялась за работу. Первой «жертвой» стал повар Круглов, так как он сидел ближе всех. Розовощекий повар отвечал на вопросы

охотно, то и дело бросая взгляды в объектив видеокамеры, и даже, кажется, не без некоторого нарциссизма.

– Давно вы на станции?

– Это моя вторая вахта.

– И как вам тут?

– Нормально. (Взгляд в камеру.) Жизнь ведь везде жизнь. Что здесь, что на Большой земле. Просто здесь, на станции, все... как бы получше выразиться... в концентрированном виде, что ли.

– Ты, наверное, хотел сказать «в консервированном», – со смехом поправил Лелик.

Мужчины засмеялись. Повар делано усмехнулся и отчеканил:

– Очень смешно. Вот дойдет до тебя очередь – тогда и позубоскалишь, паяц. – Затем вновь повернулся к Ульяне, глянул в камеру и с величайшей серьезностью осведомился:

– Так на чем мы остановились?

– На том, что здесь, на полярной станции, жизнь проявляет себя в концентрированном виде, – подсказала Ульяна.

– Да, – кивнул повар. – Точно. Именно так.

– После того как отдохнете, снова вернетесь сюда?

– Как вам сказать... (Снова взгляд в видеокамеру.) Человек предполагает, а Бог располагает. Если я здесь, значит, мне суждено было сюда попасть. Если Господь захочет, чтобы я приехал на третью вахту, то приеду. В Библии написано...

– В Библии написано много всякой ерунды, – вклинился Лелик.

Повар нахмурился:

– Ты можешь помолчать хотя бы пять минут, ковбой недорезанный?

– Не будь твоя мамочка помешана на Боге, ты бы тоже был ковбоем, – со смехом заметил Лелик. – Мы те, кого из нас сделали наши родители.

Круглов одарил механика презрительным взглядом и снова повернулся к Ульяне, с некоторой торжественностью пояснив:

– Я православный христианин, крещен в двухмесячном возрасте. А насчет вашего вопроса, вернусь ли я... В общем, как Бог даст. Как можно не верить в Бога? Вы же верите в ветер или в мороз.

– Ветер и мороз я чувствую, – возразила Ульяна.

– А Бога – тем более, – назидательно изрек Круглов. – И ветер, и мороз – все это Он.

Ульяна улыбнулась. Разглагольствования о Боге в устах повара показались ей забавными.

Круглов заметил это и нахмурился:

– Вам смешно?

– Простите. Просто я кое-что вспомнила... о своем.

– А я уж подумал, вас смешит то, что простой повар рассуждает о столь возвышенных материях, – с вызовом проговорил Круглов.

– Кок, кончай грузить! – небрежно проговорил механик Лелик. – А то наша гостья подумает, что мы все тут такие же помешанные, как ты.

– Не нравится – не слушай, – холодно парировал Круглов. – Только когда будешь гореть в адской печи, не говори, что я тебя не предупреждал.

– Когда я ем твои котлеты, у меня такое чувство, что я *уже* в аду, – со смехом парировал Лелик.

Ульяна улыбнулась и снова обратилась к Круглову.

– Жить месяцами в столь замкнутом пространстве, да еще и на краю земли – тяжело?

Круглов наморщил лоб:

– Сначала – да. Затем привыкаешь. А потом... потом снова тяжело и до смерти хочется отсюда слинять. Но знаете, – повар усмехнулся, – на самом деле жизнь здесь немногим отли-

чается от жизни на Большой земле. Просто чуть меньше пространства и чуть больше свободного времени, которое нечем заполнить. Мне еще повезло – я обожаю кино, а у нас тут очень большая фильмотека. Антону тоже хорошо – он запасся компьютерными играми на сто лет вперед. А вот нашему метеорологу в этом плане приходится туго. Альберт Петрович обожает читать, но все, что писатели написали за три тысячи лет, он прочел еще в детстве.

Ветров пробурчал что-то невразумительное, и Круглов засмеялся.

Вторым на очереди был механик Леонид Парников. Как только Иван направил на него объектив видеокамеры, механик тут же напустил на себя деловой вид.

– Погоди, не снимай, – попросил он Ивана. Затем вынул изо рта зубочистку, обтер ладонью мокрые губы и аккуратно поправил на голове ковбойскую шляпу. Кивнул: – Теперь можно.

Ульяна задала первый вопрос:

– Вам, должно быть, приходится особенно туго? Вы ведь механик, а техника в условиях Крайнего Севера наверняка ломается в два раза чаще, чем на Большой земле.

– Вовсе нет, – возразил Лелик. – Техника ломается, если за ней нет надлежащего присмотра. А у меня все схвачено. Да и техника тут у нас – высший класс. Взять хоть снегоход, на котором я вас сюда привез. Знаете, сколько он стоит?

– Нет, но уверена, что очень дорого.

Лелик кивнул:

– Угадали. Люди, которые его собирали, собирают спутники и космические корабли. Так что наш снегоход мог бы спокойно бегать по Луне или Марсу. Все, что от меня требуется, это поддерживать его в том состоянии, в каком я его получил.

– Понятно. Значит, работать на станции вам нравится.

– Конечно. Здесь все проще, чем на Большой земле. Я знаю, за что отвечаю. От и до.

– Интересно, а как вы попали на станцию?

– С попутным ветром, – весело ответил механик.

– А если серьезно?

– А если серьезно, меня привела сюда несчастная любовь.

Ульяна подозрительно прищурилась:

– Правда?

– Святая правда, – кивнул Лелик.

– Его привела сюда несчастная любовь к деньгам, – саркастически изрек Круглов. – Он их обожает, а они его презирают. Так ведь, ковбой?

– Еще слово – и будешь плестись за снегоходом сзади! – с угрозой произнес Лелик.

– А я оставлю тебя без котлет! – ничуть не смутившись, парировал повар.

Ульяна улыбнулась. На ее взгляд, все шло отлично. Повар и механик вступили в перепалку, а Ульяна дала Ивану знак, чтобы он переместился к командору Беглову.

2

- Игорь Валерьянович... – начала она, но Беглов прервал:
- Командор. Называйте меня просто командор. Так мне привычнее.
- Хорошо, командор. Расскажите об исследованиях, которые проводятся на станции.
- Мне кажется, это будет слишком долго. Долго и сложно.
- А вы вкратце. В чем суть исследований?
- Гм... – Поперек переносицы командора пролегла глубокая складка. – Как бы вам покороче... Вы ведь слышали про глобальное потепление?
- Конечно.
- Повышение температуры приводит к деградации многолетне-мерзлых пород, что представляет серьезную опасность для экономики России. Деформации и разрушению могут подвергнуться важные объекты инфраструктуры, включая тысячи километров нефтепроводов и газопроводов. Из-за роста температур и таяния грунтов ослабляется несущая способность свайных фундаментов, деформируются и разрушаются здания, мосты и трубопроводы. Я не слишком сложно говорю?
- Вовсе нет. Значит, вы здесь исследуете глобальное потепление?
- Да. В числе прочего.
- А как вы стали полярником? Вас тоже «подтолкнули» к этому родители?
- Беглов усмехнулся и отрицательно качнул головой:
- Не думаю. Если мои родители меня чему-то и научили, то лишь тому, что я должен заботиться о себе сам.
- Так как же вы все-таки попали на станцию?
- По знакомству. Три года назад мне позвонил один приятель и сказал, что набирается команда. Зарплату предложили хорошую, холода я не боюсь... В общем, отказываться было грех. Так что в моей истории нет ничего интересного или необычного.
- Не скажите... С точки зрения обывателя, в вашей истории необычно все.
- Ну, разве только с точки зрения обывателя... – улыбнулся Беглов.
- Следующим был биолог Тучков. Перед тем как Ульяна подошла к нему, командор потиhonьку ее напутствовал: «Павел Иванович только выглядит неприступно. На самом деле наш биолог общительный и добродушный человек. И ему есть что рассказать».
- При виде оператора Ивана, а затем и подошедшей Ульяны биолог Тучков тревожно вскинул брови и весь подобрался.
- «Непохоже, чтобы он горел желанием с нами пообщаться», – подумала Ульяна. Расположившись напротив Тучкова, она приветливо ему улыбнулась и сказала:
- Павел Иванович, вы самый старший из сотрудников станции. Должно быть, для остальных вы – кто-то вроде старшего наставника?
- Да, я действительно тут самый старший, – неуверенно заговорил Тучков, снял очки и стал нервно протирать их платком.
- Можно узнать, чем конкретно вы занимаетесь на станции? Какие исследования проводите? Только постарайтесь рассказать проще и, по-возможности, без научной терминологии.
- Проще? – Тучков нахмурился. – Проще... Если проще, то я исследую, какое влияние оказывают друг на друга человек и Север.
- А на Большой земле вы чем занимались?
- Примерно тем же, но без Севера.
- Ульяна улыбнулась:
- Мы еще поговорим о ваших исследованиях. А пока – расскажите, как вы попали на полярную станцию?

– Как приехал? – Тучков водрузил очки на нос, но тут же снова их снял и вновь принялся натирать платком. – Ну, я, собственно, всегда мечтал о чем-нибудь подобном... Один мой коллега, моложе меня, проводил свои исследования на космической станции. Полярная станция, конечно, не космос, но... – Павел Иванович надел очки и блеснул стеклышками. – Редкий ученый может похвастаться работой в столь экстремальных условиях, правда?

Ульяна заметила, что на лбу у биолога выступил пот, и рассеянно улыбнулась.

– Да. Конечно. Я, собственно, о том и говорила. Скажите, а здесь, на станции, вы...

– Знаете что – давайте поговорим потом, а? – попросил вдруг Тучков. – Сегодня я себя неважно чувствую.

Биолог действительно скверно выглядел, и Ульяна не стала возражать. Она попросила Ивана опустить видеокамеру и заметила, что Тучков вздохнул с облегчением.

– Академик, расскажите ей, как перепутали полярную сову с каплуном! – возник повар Круглов.

Тучков нахмурился.

– Я был без очков, – сухо пробормотал он. Глянул на Ульяну недовольно и пояснил: – Потерял очки, только и всего. А эти зубоскалы мне теперь проходу не дают. Ну да, я немного рассеян. Но что тут плохого? Рассеянность в жизни – признак сосредоточенного ума.

– Да уж, академик, ума вам не занимать, – посмеиваясь, сказал Лелик. – Помяните мое слово, Ульяна: когда-нибудь этот тип перепутает повара с замороженной навозной кучей, оставленной мамонтом, и начнет втыкать в него иголки и брать биопробы!

Мужчины засмеялись, а пожилой биолог нахмурился еще больше, но в ответ ничего сказать не смог, лишь беспомощно поправил пальцем очки.

«Вот оно что, – поняла Ульяна. – Похоже, бедный рассеянный старик играет у них роль шута».

Следующим собеседником Ульяны стал доктор Кон. Тот сидел чуть в стороне от стола, в глубоком кресле, с дымящей трубкой в зубах.

– Я не умею давать интервью, – сразу признался он. – Вот если бы вы попросили меня провести диагностику – тогда другое дело.

– Хорошо, – улыбнулась Ульяна. – Какой диагноз вы бы поставили станции «Заря-1»?

Доктор усмехнулся и изрек:

– Здорова и годна к дальнейшей работе.

Ульяна засмеялась и задала следующий вопрос:

– Сотрудники станции часто болеют?

– Не чаще, чем в любом московском офисе, – ответил доктор. – А по здравом рассуждении, так даже реже. Московские менеджеры бегают по заснеженному, пронизанному сквозняками городу в легких ботиночках и тонких пальто. А мы, полярники, больше всего на свете ценим тепло, поэтому никогда не позволяем себе выходить на улицу одетыми не по погоде.

– Чтобы быть всегда здоровым – нужно тепло одеваться?

– Чтобы быть всегда здоровым – нужно просто быть здравомыслящим человеком.

– Таким, например, как наш повар! – со смехом заявил Лелик. – Этот розовощекий амур-переросток никогда не выйдет на улицу без трех пар теплых подштанников!

Мужчины расхохотались. Ульяна от смеха воздержалась, лишь слегка улыбнулась – ей не хотелось ни с кем ссориться. Вновь повернувшись к доктору (который тоже не смеялся, а лишь насмешливо шурил глаза да пускал из трубки дым), поинтересовалась:

– Один из членов команды сейчас болеет. Может, вам стоит к нему навеститься?

Доктор Кон вынул изо рта трубку, посмотрел на нее и снова вставил в зубы.

– Антон просто тоскует по Большой земле, – пояснил он затем. – А такая тоска таблетками не лечится.

3

Программист Антон Васильев валялся на кровати, закинув руки за голову и глядя в потолок.

Проклятая станция. Похоже, за несколько месяцев, проведенных в этом ледяном аду, он совсем разучился общаться с женщинами. Раньше Антону не требовалось никаких усилий, чтобы очаровать женщину. Но теперь... Теперь он, кажется, переоценил свои силы. А может, ему просто не везет на режиссеров?

Антон усмехнулся и отхлебнул из бутылки.

Виски горячей волной пробежало по пищеводу и отозвалось в желудке мягким теплом.

Интересно, где теперь Ульяна? Должно быть, отправилась в комнату Бурова. Что ж, удивляться нечему. Ни одна женщина не может устоять перед богачом.

Интересно, каково это – быть богатым? Каково это – не считать денег, приходя в магазин или ресторан? Ехать туда, куда хочешь, не задумываясь о дорожных расходах и дороговизне отелей... Брать любую женщину, какую только захочешь, не прилагая к этому никаких усилий... кроме одного – достать из кармана бумажник, вытряхнуть из него пачку зеленых купюр и швырнуть их на сверкающий прилавок ювелирного магазина.

Хемингуэй как-то сказал: «Богатые люди такие же, как мы, только у них больше денег». Глупости. Человека от обезьяны тоже отличают несколько молекул ДНК, но именно эти несколько молекул делают человека тем, кто он есть.

Антон вздохнул, потом опустил руку с кровати, нащупал на полу открытую бутылку, поднял и сделал хороший глоток. Спиртное помогло ему расслабиться и почти позабыть про обиду.

Отличный напиток! Не то что дурацкий «Хеннесси – Икс-О», коньяк класса «люкс». Дерьмо собачье! Виски – вот напиток настоящих мужиков, а «Хеннесси» пусть смакуют тупоголовые миллиардеры и лизоблюды-педики.

Антон снова отхлебнул из бутылки, прикрыл на несколько секунд глаза и снова их открыл. Потом повернул голову и взглянул на фотографию в рамке, стоявшую на столе. Со снимка на него смотрела нескладная светловолосая девочка лет двенадцати.

– За тебя, Виолетта! – сказал фотографии Антон и снова приложился к бутылке.

Прикрыв глаза, он стал вспоминать свое детство, как делал почти всегда, когда был пьян. Зуботычины, которые щедро раздавал ему отец... холодное, словно вырубленное из куска льда, лицо матери... собственные страхи, потную рубашку, прилипающую к тощим лопаткам... Но самое страшное – одноклассники. Рослые, сильные, насмешливые и жестокие.

Мать отдала Антона в школу с шести лет – «чтобы не маячил перед глазами». На первом же уроке физкультуры выяснилось, что маленькому Антону, и без того низкорослому, придется долгие годы стоять в самом конце строя, пробуждая у мальчика такие жуткие и душераздирающие комплексы, которые не снились самому Фрейду.

Издевались над Антоном в школе постоянно. Поначалу он горько рыдал от обиды, но постепенно приучил себя воспринимать насмешки и издевательства одноклассников как неизбежное зло.

Однажды, когда Антон учился в восьмом классе, мальчишки связали ему руки за спиной и спустили трусы. А потом втолкнули в женскую раздевалку. Оскорбительней всего было не издевательство мальчишек и не презрительный смех девчонок. К этому он, в общем-то, привык. Оскорбительней и отвратительней всего был взгляд самой тихой и самой некрасивой девочки в классе. Девочку звали Виолеттой Макаровой, и она была настоящим изгоем. Она единственная посмотрела на Антона жалостливо.

Экзотическое имя причиняло Виолетте не меньше проблем, чем серенькая внешность и тихий нрав, который одноклассники воспринимали как забитость. Еще в четвертом классе кто-то придумал шутку – «Виолетта из туалета», с тех пор дурацкая поговорка сопровождала ее всю жизнь.

И сейчас, глядя на Антона и на обступивших его одноклассниц, она вдруг вскочила со скамьи и крикнула:

– Перестаньте!

– Смотрите, какая защитница выискалась... – засмеялся кто-то.

– Точно! Они же друг другу подходят! «Виолетта из туалета» и «мальчик – тощий пальчик»...

И все потонуло в хохоте. Антон помнил, что Виолетта пыталась прорваться к нему, но ей не давали. Потом все закончилось. Кто-то натянул ему штаны и вытолкнул из раздевалки в коридор.

– Топайте, любовнички!

– Совет вам да любовь!

– Удачной брачной ночи, уроды!

В коридоре Антон напустился на Виолетту:

– Какого черта ты влезла?

Она моргнула два или три раза и промямлила:

– Я думала...

– Что ты думала? – вспыхнул Антон. Ему вдруг захотелось пнуть эту дуру. Захотелось так сильно, что он испугался собственной ярости. – Еще раз ко мне подойдешь – убью! – рявкнул мальчуган на притихшую девчонку и, сунув руки в карманы, зашагал по коридору прочь.

Принять жалость и сочувствие от неприкасаемой значило опуститься до ее уровня и стать вечным посмешищем без всякой надежды на избавление от мук.

С тех пор, сидя на своей последней парте, Антон часто ловил на себе взгляды Виолетты, как бы невзначай брошенные через плечо. Сначала они его злили, потом он к ним привык, а однажды вдруг понял, что ждет их, зависит от них, тревожится, когда Виолетта на него не смотрит. Эта мысль привела Антона в ужас. Ведь если он станет воспринимать Макарову как человека, то ему конец. В глазах одноклассников он сравнивается с ней, то есть станет чем-то вроде мусорного ведра, швабры или половой тряпки.

В тот день Антон специально подкараулил Виолетту возле школы, выбрав место поукромней. Заметив его, девочка опешила, но быстро взяла себя в руки и улыбнулась.

– Привет! Ты кого-то ждешь?

– Тебя, – мрачно заявил Антон.

– Меня? – Дуреха улыбнулась еще шире и захлопала реденькими ресницами. – Это правда?

– Правда, – процедил Антон сквозь зубы. – И вот что я тебе скажу. Еще раз на меня посмотришь, и я...

Тут он запнулся, подыскивая угрозу пострашнее и повесомей. Виолетта восприняла паузу по-своему.

– И что ты мне сделаешь? – игриво спросила она.

– Узнаешь что! – рявкнул Антон, свирепо вращая глазами.

Но ни тон, ни его мимика не остановили глупую девчонку.

– Антон, – проговорила та мягким голосом, – я ведь тебе нравлюсь?

Васильев чуть не задохнулся от возмущения.

– Ты? Мне?

– Да, – кивнула Виолетта, глядя на него своими глупыми коровьими глазами. – Я давно поняла. Ты же все время на меня смотришь. И на уроках, и на переменах.

– Я? На тебя? – Антон открыл рот.

Виолетта улыбнулась.

– Ты никогда не признаешься, потому что боишься *их*. Но ты не волнуйся. Главное, что я знаю. Это будет наша с тобой тайна, хорошо?

«Вот дура», – подумал Антон. А вслух сказал:

– Дура ты, Макарова! Имей в виду: ляпнешь кому-нибудь про свои фантазии – убью!

– Я никому не расскажу, – заверила его Виолетта. – Это ведь наша тайна, помнишь? Хочешь, я тоже открою тебе тайну?

«Нет», – хотел сказать Антон, но не успел.

– Я каждый вечер гуляю на пустыре за хлебозаводом, – выпалила Виолетта, глядя на Антона обожающим взглядом. – Там есть старая беседка, ее привезли из какого-то парка и бросили. В ней я обычно прячусь. Там мое убежище.

– Чего? – не понял Васильев.

– Убежище, – повторила Виолетта, – место, где я могу спрятаться от всех. Даже от себя. Спрятаться и ни о чем не думать. Знаешь... – Девочка потупила взгляд. – Если тебе станет очень плохо, приходи туда. Только тебе придется пройти через овраг. Обычно люди там не ходят, боятся бродячих собак. Но если ты дашь собакам овсяное печенье, они тебя не тронут. Честное слово!

– Да не собираюсь я к тебе приходить! – с досадой выкрикнул Антон. – И вообще мне плевать на тебя и на твою дурацкую беседку!

Васильев сплюнул на асфальт, развернулся и побрел прочь.

– Только ты никому не рассказывай! – крикнула ему вслед Виолетта. – Это наша тайна!

* * *

Антон Васильев был изгоем, но в отличие от Виолетты, вечно в одиночестве шатавшейся по коридорам школы, тянулся к одноклассникам. После каждого унижения, не сразу, но спустя какое-то время, он начинал надеяться, что на том все и закончится. Антон прощал одноклассникам свои обиды, и когда позже те упоминали о них, смеялся вместе с ними, хотя ему не было смешно. В душе Антон надеялся, что теперь он станет для них своим, и с удвоенной энергией поддерживал все их проделки, какими бы отвратительными они ему ни казались.

Однажды один из мальчишек, рыжий двоечник, который не раз унижал Антона, предложил новое развлечение – опасное и пленительно возбуждающее.

– Пацаны из девятнадцатой школы постоянно этим занимаются! – заверил он одноклассников.

– И что, ни разу не попались? – усомнился самый главный заводила в классе по кличке Чалый.

Рыжий покачал головой:

– Не-а! Эти дуры никогда и никому не расскажут. Если они кому-нибудь проговорятся, все станут показывать на них пальцами.

– Верно, – согласился Чалый. – Только надо выбрать, с кого начать. Я бы начал с Катки Вершининой. Но она может накапать папаше, и тот откроет нам бошки.

– А я бы с Таньки Тараниной. Правда, она царапается, как кошка!

– Я знаю, с кого начать, – неожиданно для самого себя проговорил Антон.

Мальчишки изумленно на него уставились.

– Смотри-ка, кто заговорил, – хмыкнул Рыжий. – Ну и с кого?

– С «Виолетты из туалета»! – выпалил Антон взволнованно. Желание угодить мальчишкам подавило все прочие эмоции и чувства.

Одноклассники переглянулись.

– А что, придурок дело говорит, – деловито изрек Чалый. – Виолетта точно никому не расскажет. Она лишний раз рот боится открыть. Даже зевает с закрытым ртом.

Мальчишки заржали. Чалый, все еще посмеиваясь, повернулся к Васильеву:

– Вот только где ее изловить? В школе-то могут увидеть.

– Я знаю, где она гуляет по вечерам, – сказал Антон. – На пустыре, я покажу. Там в овраге живут бродячие собаки, но их можно не бояться. Надо дать им овсяное печенье, и они нас не тронут.

В тот же вечер мальчишки осуществили задуманное. Виолетту поймали в беседке. Натянули ей на глаза шапочку, затолкали в угол беседки и зажали рот.

Антон был вместе со всеми. Его рука должна была быть последней. Он уже не хотел этого, но боялся, как бы мальчишки не сочли его за труса. Сунув руку Виолетте в штанишки, он почувствовал что-то теплое и мягкое и, ощутив под пальцами волосы, с мимолетным удивлением отметил, что *там* у нее все, как у взрослой женщины. А ведь с виду такой заморыш, даже грудь не выросла! Виолетта уже не пыталась сжимать бедра и даже не плакала. Она обмякла и хрипло, с трудом дышала, как умирающая рыба.

– Валим! – крикнул Чалый.

Мальчишки выскочили из беседки и помчались по пустырю, оставив всхлипывающую Виолетту в беседке. Антон на секунду замешкался, но тут же выскочил вслед за ребятами и быстро их нагнал.

Всю ночь ему снились кошмары, а утром вечерняя история имела продолжение. Когда Антон стоял у доски и мямлил что-то не то про франко-прусскую войну, не то про мануфактуры Круппа, Макарова вдруг встала с места и двинулась к доске.

– Макарова! – грозно окликнула ее историчка. – Что ты делаешь? А ну немедленно сядь на место!

Но Виолетта продолжала идти. Все в Антоне сжалось в ожидании приближающейся катастрофы. Сейчас она его ударит, а он ничем, совершенно ничем не сможет ей ответить. И объяснить никому ничего не сможет. И оправдаться тоже.

Виолетта остановилась в полуметре от Васильева. Вперив в него свои светло-карие, чуть раскосые глаза, она облизнула губы кончиком языка и проговорила:

– Я знаю, почему ты это сделал. – Потом повернулась к классу, обвела всех странным взглядом и сказала: – Они тебя заставили!

– Макарова! – взвизгнула историчка. – Немедленно сядь на место!

Виолетта не обратила на ее вопли никакого внимания. Она снова повернулась к Антону и сказала ласковым голосом:

– Но ты не бойся. Больше они тебя не обидят.

Девочка протянула руку и погладила Антона по щеке. Васильев вздрогнул, как от удара током, а Виолетта повернулась и спокойно вышла из класса.

– Ты посмотри, что творится, а? – завопила историчка. – Ну совсем обнаглели, мерзавцы! Ох, я ей устрою! Вылетит из школы, как пробка из бутылки! А вы чего загалдели? А ну-ка быстро раскройте учебники на тридцать восьмом параграфе! Быстро, я сказала!

Исключить из школы Виолетту Макарову не удалось. Домой она в тот день не вернулась. И в школу больше не пришла. Ее маленькое тело нашли в беседке на пустыре – она повесилась на скакалке. К тому моменту когда ее нашли, ног у Виолетты уже не было, их отъели бродячие собаки.

С того дня, как и обещала Виолетта, Антона никто больше не трогал. Одноклассники обходили его стороной, боясь мести маленькой колдуньи, душа которой, казалось, все еще бродит по коридорам школы.

Иногда, сидя в классе и склонившись над тетрадкой или учебником, Антон вдруг отчетливо ощущал на себе взгляд Виолетты. Он испуганно вскидывал голову, но, как и следовало ожидать, ее место за партой оставалось пустым.

Вскоре Васильев забыл о ее существовании. Прошло еще лет десять, прежде чем ему вспомнилась давняя детская история. В тот день он потерял очередную работу, просидел весь вечер в баре, пропивая последние деньги, а ночью отправился на Москворецкий мост, намереваясь спрыгнуть с него в воду и разом решить все свои проблемы.

Но в момент, когда он уже перекинул ногу через перила моста и вгляделся в темную воду, ему на какое-то мгновение почудилось, что там, внизу, прямо на воде, стоит маленькая фигурка в школьном фартуке и смотрит на него снизу вверх.

– Не сейчас, – прошелестел у него в ушах легкий девичий шепот. – Еще не время.

Антон не испытал ни страха, ни изумления, словно увидеть на поверхности воды призрак было совершенно обычным делом. Он улыбнулся и кивнул фигурке.

– Хорошо, – сами собой произнесли его губы. – Я понял. Не сейчас.

И Антон отпрянул от перил, зашагал к метро, пытаясь сообразить, хватит ли у него денег, чтобы купить жетон.

Утром он проснулся со странным ощущением, словно червоточина, свербившая в его душе весь последний трудный год, затянулась. Антон посмотрел в залитое солнцем окно и вдруг подумал: это еще не конец, все еще может наладиться.

Маленькая фигурка, стоявшая под мостом, прочно засела у него в памяти. Он много думал о странном видении, но так и не понял, что же такое видел. В конце концов, Васильев решил, что фигурка девочки ему просто померещилась. Такое бывает по пьяной лавочке.

Однако три дня спустя Антон отнес школьную фотографию в фотоателье, где попросил мастера перефотографировать ее и увеличить. Когда снимок был готов, он вставил его в рамку и с тех пор повсюду возил с собой в качестве оберега...

4

Посмотрев на фотографию, Антон снова приложился к бутылке. Последний глоток сделал его пьяным. Реальность мягко пошатнулась, а затем встала на место, но уже как бы окутанная мягким золотистым сиянием. На душе сразу же стало легче.

Антон поставил бутылку на пол и потянулся к компьютеру. Нажал пальцем на кнопку. Вот оно – счастье. Тихо загудел процессор, зашуршал лопастями кулер. Звук этот, как всегда, подействовал на Антона умиротворяюще.

Мелодичное вступление оповестило Антона о том, что компьютер ожил и готов к работе. Экран монитора осветился, и на нем появилась заставка – умопомрачительный горный пейзаж, окрашенный закатным алым солнцем. Поверх заставки, одно за другим, выскочил рядок «окон».

Антон, улыбнувшись, привычно положил руку на «мышку», и тут запищал сигнал оповещения: «У вас новое сообщение по локальной связи!»

Кабель локальной связи соединял полярную станцию «Заря-1» с американской полярной обсерваторией. Протянули его совсем недавно – в рамках новой программы сотрудничества, которую Антон считал полной чепухой.

Он клацнул клавишей «мыши», и сообщение открылось. По экрану пробежала рябь, будто кто-то швырнул в его середину невидимый камень. Из аудиоколонок вырвался резкий звук, что-то вроде скребущего душу шуршания, похожего на «белый шум».

Антон вздрогнул и недовольно нахмурился.

– Что за черт... – пробормотал он.

Экран монитора вновь покрылся дрожащими струнами помех, а затем на нем проступило смутное изображение человеческого лица. Человек на экране что-то говорил, и прошло несколько секунд, прежде чем Антон расслышал сквозь шорох помех страшные слова:

– SOS!.. They're all dead... SOS... SOS... Please save me...

Даже несмотря на забивающий все шум, Антон понял, что человек на экране страшно напуган.

Изображение задержалось и покрылось новой волной ряби. А затем компьютер бесстрастно извещал: «Сообщение получено и просмотрено». На экране вновь появился пейзаж, и закатное солнце воспламенило ледяные вершины горной гряды.

Антон несколько секунд тупо смотрел на экран. Затем поднял с пола бутылку и сделал хороший глоток. Это помогло прийти в себя.

Он протянул руку к внутреннему коммутатору и нажал на коричневую кнопку. В динамике раздался шелчок, а затем хриловатый голос Беглова осведомился:

– Что случилось, Антон?

– Командор! – Антон облизнул губы. – Вы в кают-компании?

– Да, раз отозвался. Чего голосишь?

– Я только что получил сообщение из американской полярной обсерватории.

– Что? – прохрипел коммутатор. – Какое сообщение?

– Похоже, у них там что-то случилось.

– Что случилось?

– Не знаю. Но они зовут на помощь. Я отправлю вам запись сообщения.

– Ладно.

Антон отключил связь и пробежался пальцами по клавиатуре. Затем клацнул по клавише «enter». Странное сообщение ушло по локальной сети на компьютер кают-компании.

Подняв с пола бутылку, Антон откинулся на подушку. Собственно, какое ему дело до американцев... Им нужна помощь? Может быть. Но пусть Беглов решает, что делать, на то он и командор.

Антон снова посмотрел на фотографию девочки.

– За тебя, моя крошка, – тихо сказал он и отсалютовал девочке бутылкой.

5

Сотрудники станции сгруппировались вокруг компьютера. Пока шла запись, никто не проронил ни слова, однако лица всех присутствующих вытянулись от удивления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.